

А. С. МАРКОВ

УЛЬЯНОВЫ В АСТРАХАНИ

специально для сайта
АРХИВ ТРОЦКОГО

<http://levtrozky.blogspot.ru>

А. С. МАРКОВ

УЛЬЯНОВЫ В АСТРАХАНИ

*Жене Шнайдштейн -
знатку древнейшей
истории Астраханского
края!*

*автор А. Марков
8/X-86г.*

Нижне-Волжское
книжное
издательство
Волгоград
1983

ЗК26
М26

Научная редакция:
заведующая партийным архивом
Астраханского обкома КПСС *О. В. Горева*,
кандидат филологических наук *В. А. Чебыкин*.

Марков А. С.
М26 Ульяновы в Астрахани.— Волгоград: Ниж.-
Волж. кн. изд-во, 1983.— 112 с.

Родословная величайшего в мире человека — В. И. Лени-
на — берет свое начало на берегах великой русской реки Вол-
ги. На основе архивных материалов писатель рассказывает
читателям о предках Владимира Ильича Ульянова-Ленина, о
жизни Ульяновых в Астрахани.

М $\frac{10103-004}{M151(03)-83}$ 74—83

ЗК26
ББК 13.50

© Нижне-Волжское книжное
издательство, 1983.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Истоки родословной

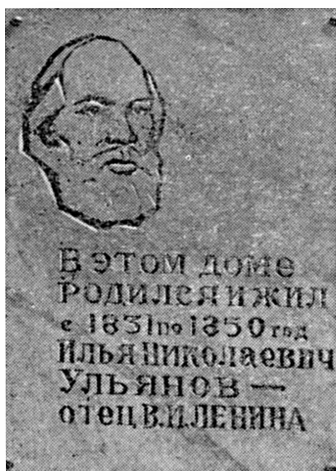
Мало приметно это строение на тихой городской улице, но каждый астраханец его знает. На мемориальной мраморной доске вырезаны черты лица педагога-просветителя, знакомого каждому по фотографиям, часто публикуемым в печати.

*«В этом доме родился и жил
с 1831 по 1850 год
Илья Николаевич Ульянов
— отец В. И. Ленина».*

Улица, на которой стоит дом, носит имя Ульяновых, рода, давшего нашему отечеству много людей светлого ума, революционного бесстрашия. Почти рядом плещутся волжские волны. Зеленоватую гладь реки бороздят стремительные «Ракеты», трехпалубные красавцы-теплоходы, спешат по своим рабочим делам лесовозы, буксиры-толкачи с баржами... Именно на берегах великой русской реки берет свое начало родословная величайшего человека, которого народ звал и зовет с сердечной простотой и благодарностью — Ильич.

В марте 1921 года, отвечая на вопрос анкеты делегата X партийного съезда о том, какие местности он хорошо знает, Ленин писал: «Лучше других — Поволжье».

Не знаменательно ли это? Ведь почти тридцать последних лет жизни Владимир Ильич провел вдали от родных берегов. Петербург, затем ссылка в сибирское село Шушенское, после тяжелые годы вынужденной эмиграции. С апреля 1917 года Ленин в Петрограде, а с марта 1918 года — титаническая работа в Москве.

Мемориальная доска на доме-музее Ульяновых

занятие, должность, чин») отвечает: «Директор народных училищ». Ильич не знал, кто был его дед.

Не удивительно, что даже в книгах, изданных государственными издательствами, было много путаницы, произвольно толковались те страницы биографии В. И. Ленина, где речь шла о его происхождении. Не только рядовые читатели, но даже партийные агитаторы становились в тупик. Вот что писал в журнал «Пролетарская революция» в 1922 году петроградский губернский агитатор Георгий Шидловский: «Передо мною 3 книжки из библиотеки одной из волостей.

В одной из книжек («Вождь деревенской бедноты В. И. Ульянов-Ленин. Биографический очерк». Издательство крестьянского отдела Всеросс. Центральн. Исполнительного Комитета Советов Р., С., Кр. и К. Депутатов, Москва, 1918 г., 14 стр., цена 65 коп.) на 4-й странице автор т. А. М. пишет: «Вся жизнь Владимира Ильича, вся его ученая литературная и партийная деятельность неразрывно связана с деревней. Начать с того, что его отец, дворянин по происхождению, дале-

И все же другого ответа трудно было ожидать. Ведь детские и юношеские годы — годы познания мира и дерзких мечтаний, годы, когда зрела и оттачивалась его революционная мысль, прошли на Волге. К тому же Владимир Ильич не раз слышал от своего отца рассказы о его учебе в Астрахани, о памятниках архитектуры в древнем кремле, об изобилии рыбы в крае, о шумных базарах.

В анкете всероссийской переписи членов партии в 1922 году, в графе «Дед с отцовской стороны», Владимир Ильич пишет: «Не знаю». На вопрос об отце («Основная профессия или

кий от крестьянства и по своему общественному положению, был человеком, близким ему по духу».

В другой — («В. И. Ульянов (Н. Ленин)» — изд. Гос. изд-ва, Москва, 1920 г., 31 стр., цена 7 р.) на 3-й стр. автор, т. В. И. Невский, пишет «Пятьдесят лет тому назад... в городе Симбирске, в небогатой семье родился мальчик... Отец Ленина сам происходил от бедных незнатных родителей из г. Астрахани».

Наконец, в третьей книжке — «Н. Ленин — Владимир Ильич Ульянов (очерки жизни и деятельности)» — издание Петроградского Совета Р. и Кр. депутатов, Петроград, 1918 г., 70 стр., цена 1 р. 20 к. — на 9-й странице автор пишет: «Отец Ленина, родом крестьянин, работал на Волге директором народных училищ»¹.

Подобные противоречивые сведения о предках Ленина вызвали недоумение у губернского агитатора Шидловского, и в заключение статьи он спрашивал: «А на самом деле, кто же по происхождению был тов. Ленин? Надо рассеять творимый при жизни самого тов. Ленина миф о нем самом, о его происхождении, и призвать к порядку тов. авторов книг о тов. Ленине и редакторов государственного издательства».

Ленин жив, и его надо порасспросить о нем самом, прежде чем писать о нем: ведь адрес его так прост: Москва, Кремль».

В том же журнале был помещен «Ответ т. Шидловскому», написанный Анной Ильиничной Елизаровой-Ульяновой.

Анна Ильинична считала неверным утверждение, что отец Ленина по происхождению дворянин. Дело в том, что Илья Николаевич оказался в числе дворян автоматически, получив за службу чин действительного статского советника и орден св. Владимира. К тому же Ульянов был чужд чиновничьего духа того времени с его прислужничеством и карьеризмом. Для него важны были не награды, а процветание любимого дела.

По происхождению Илья Николаевич был мещанин. Родился в мещанской семье в городе Астрахани. Но Анна Ильинична так же, как и Владимир Ильич, не знала профессии своего деда. Она писала: «Мне кажется, что

¹ Пролетарская революция. М., Госиздат, 1922, № 3, с. 333.

он был мелким чиновником, но утверждать этого не могу».

Лишь в 30-е годы, когда заведующий Астраханским городским архивным бюро Петр Иванович Усачев разыскал ряд документов о семье Ульяновых, стало известно, что дед Владимира Ильича был портным. Уже после смерти Усачева в Астраханском архиве был обнаружен ряд новых документов о родственниках Ленина.

Сейчас о родословной Владимира Ильича мы знаем не так уж мало, хотя архивные недра скупой отдают свои богатства. Попытаемся собрать воедино все, что удалось обнаружить в астраханских архивах за прошлые и последние годы, и все, что писали о семье Ульяновых писатели и исследователи-энтузиасты. Постараемся показать и жизнь торгово-промышленного города первой половины XIX века. Ведь именно в мире торгашества, жесточайшей эксплуатации рабочего люда, рыболовных ватаг проходила жизнь семьи Ульяновых.

* * *

Мария Ильинична Ульянова, говоря о родословной Ильи Николаевича, писала: «Он происходил из бедной мещанской семьи. Дед его был крепостным, а отец жил в городе и служил в каком-то торговом предприятии (по профессии он был портным)»¹.

Не только дед, но и отец Ильи Николаевича долгое время был крепостным. Совсем недавно этому найдено документальное подтверждение. В Астраханском государственном архиве обнаружено дело: «Списки именные ожидаемых к причислению зашедших беглых из разных губерний помещичьих крестьян». В списке крестьян, прибывших в Астраханскую губернию до 1798 года, есть запись: «Николай Васильев сын Ульянин... Нижегородской губернии Сергачской округи села Андросова² помещика Степана Михайлова Брехова крестьянин. От-

¹ Ульянова М. Отец Владимира Ильича Ленина — Илья Николаевич Ульянов. (1831—1886). М.-Л., Соцэкгиз, 1931, с. 9.

² По современному административному делению село Андросово находится на территории Ветошкинского сельсовета Гачинского района Горьковской области.

лучился 791 году»¹. В графе «У кого именно состоит на поруках» записано: «У канцеляриста Алексея Александрова»². Вышеприведенный список был составлен Астраханским земским нижним судом в 1797—1798 годах. Там, между прочим, говорилось, что внесенные в ведомость беглые крестьяне «ныне налицо не явились и казне надлежащих денег не внесли».

В списке крестьян, прибывших в Астраханскую губернию, фамилия Николая Васильевича — Ульянин. Дед Ленина, как и многие другие в конце XVIII века, не имел еще окрепшего фамильного прозвища. Так, в «записке мастеров» его фамилия Ульянинов, в метрической книге Ульянин, в деле Астраханской казенной палаты — Ульянов. Сам же он в прошении астраханскому губернатору ставил подпись «Ульянин», а под ревизской сказкой 1835 года расписывался «Ульянов».

Итак, Н. В. Ульянов — крепостной крестьянин, прибывший из Нижегородской губернии в низовья Волги в 1791 или в 1797 году. Сергачская округа, откуда прибыл Ульянов, была стороной лесной глуши и захолустья. В нужде, в бедности, в тяжелых работах проходила жизнь обитателей этих лесных починков и деревень. Не раз крестьяне громили боярские усадьбы. Особенно сильное волнение крестьян Сергачской округа было в 1702 году. Руководитель их — крестьянин Сидор Спасский — составил челобитную, в которой писал: «От прежних и нынешних многих работ и подвод... мы оскудели, одолжали и разорились без остатку»³. Власти сумели схватить «пущего» зачинщика Сидора Спасского и многих крестьян, которых нещадно секли кнутами и батогами. Многие крестьяне бежали из округа целыми семьями. А оставшиеся продолжали вести тяжкую борьбу за свое существование и мало видели радостей в жизни под боярским кнутом.

Село Андросово было расположено в живописной луговине. С севера оно было защищено небольшим взгорьем. Между селом и взгорьем катила воды неболь-

¹ ГААО, ф. 687, оп. 5, д. 21, л. 181.

² На поруки брались те крестьяне, которые не имели паспорта, но занимались ремеслом, принимали какие-либо заказы.

³ Лебедев В. И. Булавинское восстание (1707—1708 гг.). М., Просвещение, 1967, с. 22.

шая речушка Рушня. По берегам ее — чистейшие родники. За речкой земли, получившие название «Бреховской барщины». (Это название сохранилось до наших дней.) А рядом села Ветошкино, Тяпино, Кладбищи... Названия этих селений — свидетельство горькой участи крепостных крестьян.

Документы Горьковского государственного архива дают нам возможность заглянуть в родословную вождя. Корни родословной Ильича упираются не в графские гербы и короны, а в незатейливые рубленые избы с резьбой на окнах, в паневы и овчинные тулупы, в грубые лавки вдоль стен, в печные горшки и потемневшие лики святых в углу.

Нижегородской губернии крестьянин... так писалось вначале звание деда Ленина. Нижегородский край — это Русь старая, истовая, кондовая... Здесь в первые века русской истории положено было начало нашей гражданственности. Это они, нижегородские мужики, ставили засеки на пути монголо-татарских полчищ. Это они шли в ополчение Минина, это они создавали искусные ремесла, были умельцами и воинами, земледельцами и градостроителями.

А в ревизских сказках бесстрастно отмечались человеческие души. Подать с каждой рожденной души. И оброк, непосильный оброк...

Вот ревизская сказка о дворовых людях и крестьянах села Андросово Сергачской округи. Составлена сказка в июне 1782 года. На 840-м листе в графе «Званис, имена мужска и женска полу людей» записано: «А именно в селе Андросове дворовые люди. Никита Григорьев сын Ульянин»¹. Здесь же пометка — умер в 1779 году. Никита Ульянин — это прапрадед Ленина. Годы его жизни 1711—1779. По ревизским сказкам можно точно установить и годы жизни прадеда Ильича Василия Никитича Ульянина. Родился он в 1733 году, а умер в 1770. Короткой была его жизнь. Несладко жилось на подворье корнета Степана Михайловича Брехова. Еще тяжелее стало семье после смерти кормильца. На руках у жены Василия Никитича Анны Семеновны осталось четверо детей.

¹ ГАГО, ф. 60, оп. 129а, д. 60, л. 840.

О детях в ревизской сказке говорится так: «У них дочь написанная в последней перед сим ревизии — Катерина. Выдана в замужество в том же селе Андросове господина моего за крестьянина. Рожденные после ревизии Самойла, Порфирий, Николай...»¹

Порфирий неплохо знал грамоту, что видно из записи, составленной по поводу бракосочетания пары односельчан. Заканчивается запись так: «К сей сказке вместо вышеписанных дружки и поезжан (участников свадебного поезда.— А. М.) по их прошению дому гвардии фурыера Михайлы Степановича Брехова служитель Порфирий Ульянин руку приложил».

Знали грамоту и Самойло, и младший Николай. Семья Ульяниных цепко тянулась к знаниям, но судьбами дворовых повелевали крепостники Бреховы. Правда, Порфирий стал служителем² на господском подворье. Но, видно, так унизительна была эта служба, что Николай Ульянин предпочел уходить на оброк.

Нижегородский край, богатый лесом, был беден пашнями. Вот почему помещики, не имея выгоды от земледелия, часто отпускали своих крепостных крестьян на оброк или заставляли дома заниматься каким-либо «рукоделом». Ульянов «отлучился в 1791 году» на оброк да так и не вернулся под жестокую власть помещика Брехова.

«Отлучившимися» называли помещичьих крестьян, отпущенных на оброк и имеющих на руках билет на отлучку. Историк Болтин свидетельствовал, что помещики определяют «крестьян своих в работу или на оброк, как им покажется для себя прибыльнее, сообразуясь с обстоятельствами. Ежели помещик сам живет в деревне или надежного имеет у себя приказчика, а земли к пашне удобной довольно, в таком случае гораздо прибыльнее оставить крестьян на пашне; если ж сам находится в отсутствии, приказчика надежного не имеет, или земли в дачах недостаточно, то прибыточнее положить их на оброк»³ Оброчные крестьяне пользовались большей хозяйственной инициативой. Но рост оброка ухудшал

¹ ГАГО, ф. 60, оп. 239а, д. 61, л. 1069.

² Служитель — домашний работник, личный писарь.

³ Храмов П. А. Очерки экономики феодализма в России. М., 1957, с. 88—89.

их положение. В 90-е годы XVIII века оброк поднялся до 4 рублей с ревизской души. Многим крестьянам такой оброк был не под силу, и они не возвращались к своим помещикам. Тогда-то и сложилась поговорка: «Нечем платить долгу, бежи на Волгу».

Точно такой же путь был и у деда Ленина. Истек срок отлучки, но Николай Васильевич не вернулся на родину. Он оказался на положении беглого и с 1791 по 1795 год проживал в Астрахани «без письменного вида, в работах по разным людям»¹.

Николай Васильевич понимал, что рано или поздно он будет схвачен и отправлен в ненавистную вотчину Брехова. Вот почему Ульянов был несказанно обрадован, когда 19 июля 1797 года был обнародован высочайший указ, что помещичьи крестьяне, зашедшие в Астраханскую губернию до 1797 года, не будут возвращены своим помещикам, а поступят в распоряжение нижнего земского суда. (Таких крестьян стали называть старозашедшими.) Эта мера правительства была продиктована неоднократными просьбами астраханского губернатора иметь при промыслах и ватагах рабочие руки.

Правительство пошло на уступку, но указало, что беглых «вновь же приходящих отнюдь не принимать, а отсылать в те места, откуда они пришли»².

В этом смысле Николаю Васильевичу просто повезло. Правда, не совсем. Во время причисления в 1797 году беглых, имеющих от нижнего земского суда билеты на право свободного проживания, Ульянов не смог явиться к властям. Он был «одержим болезнью, зачем и остался с прочими, подобными ему людьми, непричисленными»³.

По-видимому, Николай Васильевич заболел холерою, которая в 1796—1798 годах свирепствовала в Астраханском крае. Строгие карантинные меры не позволили ему представить своевременно полученный от нижнего земского суда билет о праве свободного проживания.

Тогда Ульянов подает новое прошение, чтоб его причислили к «обществу старозашедших помещичьих крестьян». В этой связи интересен приказ Астраханского

¹ ГААО, ф. 687, оп. 1, д. 7, л. 188.

² Там же.

³ Там же, л. 189.

Приказъ

изъ Астраханскаго князяго
земскаго суда
старозашедшаго общества старо-
росте Ивану Блинову

Писанкою изъ Астраханскаго
казенной полаты всеи судъ при
казаде ^{нижегородской губернии} и
сергачской округи села андро-
сова помещика степане-
михашлова брехова престъ
яникъ николай Васильевъ
сынъ ульянинъ въ ~~напротъ~~
~~смысли~~ ~~бѣтвое~~ ~~обществе~~ въ
скагага 1797 года ~~сентября~~
~~наша до~~ ~~сентя~~ ~~въ~~ ~~смы~~ ~~смы~~
всакія Государственна
подати ^{визу} ~~визу~~ ~~визу~~ ~~визу~~ ~~визу~~
смы въезное казначейство
сему суду давати знатъ
приметамъ оной ротамъ. Годъ
5. Вержиковъ Валера Николаевъ
Уа ибородъ (адмиралъ) въ
Кладъ паре (судья) въ
отпроду 30. 1799 года

Приказ Астраханского земского нижнего суда

земского нижнего суда старосте старозашедшего общества Ивану Блинову о причислении в это общество Николая Васильевича Ульянова в 1799 году. Сначала писарь написал: «...сын Ульянинов». Затем зачеркнул «в»

и вместо «о» сделал твердый знак. Получилось «Ульянин». В этом же приказе даны и приметы деда Ленина: «...Оный ростом 2 аршина 5 вершков, волосы на голове, усы и борода светло-русые, глаза карие, лицом бел, чист, от роду 30 лет...»¹.

Ульянову долго пришлось хлопотать, составлять в канцеляриях нужные бумаги, ходить по судам. Реформа 1775 года создала целую систему местных судов. В губернии это были общесословные — палата уголовного суда и палата гражданского суда, суды специального назначения — совестный и надворный суд, а также сословные суды — верхний земский суд, губернский магистрат, нижний земский суд и нижняя земская управа.

Мелочная регламентация деятельности учреждений, затянутые в мундиры чиновники, печати с гербами губерний и городов — все это должно было подчеркивать авторитет и значение новых должностных лиц и учреждений, недостижимость для простого народа любого мелкого чиновника.

Мучительно долго ползло дело Ульянова по инстанциям. Наконец, в декабре 1799 года последовал указ из Астраханского нижнего земского суда, где регистратору Федоту Иванову предписывалось:

«...взысканные с причисленного с начала 1797 года в астраханское старозашедшее общество Нижегородской губернии Сергачской округи села Андросова помещика Степана Брехова крестьянина Николая Васильева сына Ульянина за употребленную в казенной палате по его делу, вместо гербовой, простую 4 листа бумагу 1 руб. 20 копеек да печатные пошлины 50 1/2 коп. записать в данную на то тебе книгу, отдать при сообщении сего суда с росписью в Астраханское уездное казначейство для записи в подлежащие казне расходы»².

Кроме того, Ульянов должен был уплатить все государственные подати, начиная с 1797 года. Затем нижний земской суд приписал Николая Васильевича к казенным крестьянам селения Новопавловского. Возможно, сам Ульянов просил об этом. В Новопавловском было

¹ ГААО, ф. 412, оп. 3, д. 4, л. 148.

² Там же, л. 144.

очень много бывших беглых, земляков-нижегородцев. Селение находилось в 47 верстах от Астрахани.

Но власти зорко следили за пришлыми. Из ведомости, составленной старостой Новопавловской слободы Козьмой Тимофеевым, мы узнаем, что в 1799 году Н. В. Ульянов «поступил» в Новопавловское селение (слободу). И опять сообщаются его внешние приметы: «Ростом 2 аршин 5 вершков, волосы на голове, усы и борода светло-русые, лицом бел, чист, глаза карие»¹. Типичный облик великорусского крестьянина. Это же подтверждает и документ, обнаруженный в Астраханском госархиве в 1966 году — перечень лиц мужского пола г. Астрахани для рекрутского набора 1837 года, в котором сообщается, что дед В. И. Ленина Николай Васильевич Ульянов и его дети Василий и Илья — «коренного российского происхождения»².

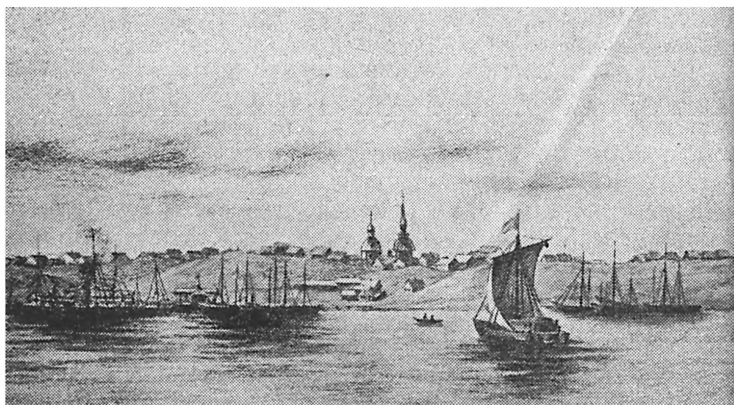
Сохранилось изображение селения, в котором нашёл приют Николай Васильевич. Во время путешествия по Волге в 1838 году художники братья Чернецовы сделали рисунок Новопавловского. Художники пером и коричневой тушью изобразили панораму селения (вид с Волги). На правобережье во всю длину крутоярья мы видим россыпь деревянных домишек. В центре по пологому скату дома сбегают к самой воде. Здесь же, видимо, и пристань — у берега лес корабельных мачт. На зимнюю стоянку в селение пришли многие суда. Над селением возвышается колокольня небольшой церквушки. Тонкими, почти ювелирными штрихами показали художники плывущие по реке острые, ребристые льдины и барку, с трудом пробивающуюся к берегу.

По рисунку Чернецовых видно, что в первой половине XIX века Новопавловское — уже большое волжское село³.

¹ ГААО, ф. 412, оп. 3, 687, оп. 2, д. 297, л. 71.

² Там же ф. 480, оп. 1, д. 863, л. 427.

³ Согласно «Трудам Астраханского губернского статистического комитета» (выпуск пятый, 1877 г.) селение Новопавловское в 1867 г., вследствие наносных песков в степи и обвалов берега Волги, было перенесено на левый берег, в луговую сторону. Новое селение стало называться Петропавловкой. Сейчас это село входит в состав Наримановского района Астраханской области.

Село Новопавловское. С рисунка художников братьев Чернецовых.
1838 г.

Когда Ульянов прибыл в Новопавловское, там было много беглых крепостных, хотя село значилось казенным. Недалеко от села находились рыболовные ватаги, куда чаще всего и определялись беглые. Стараясь удержать беглых в Астрахани как рабочую силу, Екатерина II обнародовала указ: «Тех подлых, кои задержаны будут, бить нещадно батогами с трех раз, и которые из них сознаются, тех высылать к своим помещикам, а которые с третьего раза в утверждении своем утвердятся, тех приписывать к казенным вотчинам и при рыбных промыслах оставлять»¹.

Ульянов не стал ватажником и рыболовом, он занимался в селе портняжным ремеслом. Выйдя из оброчной зависимости, он платил подати как государственный крестьянин. Однако власть помещика Брехова не раз еще напоминала о себе. Прежний хозяин умер, а его сын Михаил Степанович Брехов пытался отдать в рекруты даже тех неугодных ему крестьян, которые уже вышли из-под его барской «опеки». Так появилось на свет доношение «В собрание господ губернского дворянства предводителей Нижегородской губернии вотчи-

¹ Астрахань и Астраханский край. Астрахань, 1924, с. 120.

аршин = 71, 12 см

$$\begin{array}{r} 71, 12 \\ \hline 142, 24 \\ 17, 76 \end{array}$$

вершок = 4, 44

$$\begin{array}{r} 4, 44 \\ \hline 17, 76 \end{array}$$

ны капитана Михайлы Степановича Брехова от служителя Никифора Никифорова».

Служитель Никифоров по велению своего хозяина докладывал: «Именной его императорского величества указом, состоявшаяся в 9 день сентября сего года, велено собрать со всего государства с пятьсот душ по два рекрута, означенный же господин мой имеет данную из Нижегородской казенной палаты октября 31 дня сего года по № 7773 на зашедшего в Астраханскую губернию и причисленного к платежу государственных податей по Астраханскому уезду крестьянина Николая Васильева, квитанцию, которую, прилагая у сего, оное собрание покорнейше прошу к сведению и для учинения надлежащей надписи принять. Ноября дня 1802 года»¹.

Набору в рекруты подлежали мужчины здоровые, крепкие и к военной службе годные, от 17 до 35 лет, ростом в два аршина четыре вершка без обуви. 160,00

Николай Васильевич Ульянов отвечал необходимым данным для рекрутского набора, но всеислие Брехова не было беспредельным. Ульянов уже не считался его крепостным и возврату к своему бывшему владельцу не подлежал.

В селении Новопавловском Николай Васильевич находился недолго. Сельчане редко обращались к портному мастеру. Зато рядом, в городе, нужда в мастерах была большая. Тогда и направился Ульянов в Астрахань.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Мастер портняжного цеха

В Астрахани с утра до позднего вечера бурлила торговая жизнь на пристанях и базарах. На прилавках гостиных дворов переливались разноцветьем персидские шелка, дорогие атласы, тускло серебрились шкурки редкого зверья, блестели камни в ожерельях и кольцах. Здесь рядом с английским камлотом лежали кипы сафьяна казанских кожевников, рядом с польскими бритвами — хитрые замки нижегородских мастеров. Купцы на

¹ ГАГО, ф. 639, оп. 124, д. 780, л. 280.

все лады расхваливали товары. Особенно много было торговцев смолой, юфтью, дегтем, икрой, рыбьим жиром...

Сюда устремлялись все: и торговцы в поисках доходных товаров, и ремесленный люд, и беглые, и крестьяне, отпущенные на оброк. Многие крестьяне таили заветную мечту — скопить деньги и выкупиться из неволи. Помещики с опаской глядели на запись крестьян в посад, ибо такая запись могла ослабить вотчинную власть над ними. С другой стороны, дворянин, имевший крестьян-торговцев, был заинтересован в том, чтобы им не запрещали торговать в городах и брали меньше торговых пошлин, ибо чем менее казна облагала крестьянский торг, тем сильнее можно было его обложить помещику. Владельцы стремились учесть каждую копейку крестьянского дохода, укрепить и расширить свою власть над крестьянином. Но в Астрахани это было сделать не так-то просто. Здесь легче всего можно было найти побочный заработок. Промышленники задыхались от нехватки рабочих рук.

В начале XIX века Астрахань продолжала оставаться богатым торговым городом. В бурлацких песнях Астрахань называлась «Разгуляй-городом». Нужда гнала сюда тысячи рабочих, которые думали найти в низовом городе применение своим силам — пристроиться к рыболовным ватагам, соляным озерам, матросами на баржи, расшивы...

Николай Васильевич Ульянов прибыл из Новолавловского селения в Астрахань тридцатилетним зрелым мужчиной. Он поставил твердую цель — обосноваться в низовом городе навсегда.

Промышленный, торгашеский дух, дух быстрой наживы, спекуляции и всевозможных афер, которыми был проникнут город, не захватил Николая Ульянова. В нем был живуч старозаветный тип мастера-ремесленника, предпочитавшего, чтобы заказчик искал мастера, нуждался в нем. Шить одежду не по заказу, а на продажу, устроить на бойком месте склад своего товара, рекламами заманивать покупателя было не по характеру Николая Васильевича.

Выйти ему из податного состояния казенных крестьян было не так-то просто. Приехав в Астрахань и занявшись портняжным ремеслом, Николай Васильевич еще

долгое время платил подати как крестьянин Новопавловского селения. Положение его было двойственным — ни крестьянин, ни мещанин. К тому же мастера, которые не были приписаны к посаду, не могли пользоваться покровительством Ремесленной управы — сословного выборного органа самоуправления ремесленников.

Вот почему Ульянов вынужден был обратиться с прошением на имя астраханского губернатора. Приведем это прошение полностью:

«Его Сиятельству господину действительному статскому советнику астраханскому гражданскому губернатору и кавалеру князю Дмитрию Васильевичу Тенишеву.

Астраханского уезда селения Новопавловского государственного крестьянина Николая Васильева Ульянина

Покорнейшее прошение.

Состою я окладом в оном селении, но имею жительство в городе Астрахани, производю портное мастерство. В селении оного мастерства производить мне неприлично, а желаю приписанным быть в Астраханском посаде. В таком случае Вашего сиятельства всепокорнейше прошу о записи меня в Астраханский посад. Не оставить рассмотрением и кому следует дать повеление.

К сему прошению крестьянин Николай Ульянин руку приложил.

Генваря 27 дня 1803-го года»¹.

Прощение подписано собственноручно дедом Ленина. Это его первый автограф, известный нам. Среди четкой каллиграфии писца губернской канцелярии запись Ульянова резко бросается в глаза. Она сделана скорописью. Видимо, Николай Васильевич научился писать в детстве от своего брата Самойлы, который был довольно грамотен.

В 1803 году прошение с просьбой о поселении в Астрахани подали 577 крестьянских семей. Были составлены специальные списки крестьян, пожелавших поселиться в Астраханском посаде. На пожелтевших листах

¹ ГААО, ф. 412, оп. 1, д. 60, л. 174.

Его Святчеству

Господину действителному Статскому Советнику
Астраханскому Гражданскому Губернатору и навару
Князю Дмитрию Васильевичу Улянову.

Астраханского Уезда Селеня
незавладевшего Зосимья Степ-
наго Крестянина. Николая Василье-
ва Улянина.

Попортившее Промение

Вотко я омадовъ ввономъ Свѣтлѣишю
^{Свѣтлѣишю}
въ городъ Астрахань и проишоу проитное
мастерство въ селеніе Омаго мастерства
губоидоитъ мне на трилино Ария три-
писанинѣ бытъ въ Астраханскѣ посадѣ.
въ таномъ Судае вашого Свѣтлѣишю все-
попортивше гуршо озатисѣ менѣ въ Астра-
ханскѣ посадѣ неоставитъ Разсмотреніе
иному иному Стдуетъ. Дать паженіе и сему
прошеишо престояникъ Николаи Улянинъ
руну трилоиди

Января 27 дня
1803го года

Прошение Н. В. Ульянова

сотни имен. Сотни человеческих безрадостных судеб. Среди четырнадцати семейств Астраханского уезда и имя «Николай Ульянов»¹. Правда, Николай Васильевич числился несемейным. 26 июля 1803 года губернское правление слушало предложение астраханского губернатора, который считал, что просьбу крестьян нужно уважить и поселить их особой слободой. Для этого были веские аргументы. Губернатор, докладывая в Петербург о малой пригодности к хлебопашеству земли, предоставленной государственным крестьянам для поселения, пояснил: «Многие из крестьян, проживая в Астрахани, обращаются в разных мастерствах, в рыбных промыслах, в водоходстве и тому подобных работах и по причине к сему роду жизни не могут быть добрыми земледельцами»².

Из Петербурга в губернскую канцелярию прислали специальный указ. В нем говорилось, что Астраханский нижний земский суд должен выделить поселенцам место в черте города. Такое место крестьянам отвели между реками Болдой и Кутумом.

Наблюдать за переселением губернатор поручил стряпчему казенных дел Крупинскому. Тот указал новый посад именовать Воскресенской слободой по названию находившегося рядом Воскресенского Болдинского монастыря. Однако указанное властями название не прижилось. Ремесленники, работный люд окрестили посад Селением. Такое название за северной частью города сохранилось до наших дней.

Переселенцы не торопились или не имели возможности строить собственные дома. В июне 1804 года Астраханская казенная палата предложила переселенцам обзавестись строением, по крайней мере, в два года.

Ульянов, как и многие другие, вероятно, жил в то время в городе, снимая комнатку у кого-нибудь из домовладельцев. К сословию мещан его причислили в 1808 году. В ревизской сказке за 1811 год значится, что в сословие мещан Николай Васильевич Ульянин поступил в 1808 году по указу Астраханской казенной палаты из крестьян Новопавловского селения³. Мещанское со-

¹ ГААО, ф. 1, оп. 16, д. 67, л. 5.

² Там же, ф. 412, оп. 1, д. 60, л. 1—2.

³ Там же, ф. 43, оп. 2, д. 1008, л. 1.

В портняжной мастерской (со старинного рисунка)

словие состояло из разных категорий городских жителей (ремесленников, мелких торговцев, домовладельцев и т. п.). Законодательство XVIII—XIX вв. относило мещан к податным сословиям «свободного состояния», которые платили подушную подать и подлежали рекрутской повинности. Теперь Ульянову было легче вступить в цех портных. Он получил свидетельство, скрепленное печатью ремесленной управы. Интересна символика этой печати — скрещенные якорь и крест с горящим сердцем посредине. Вера, Надежда, Любовь. Каждый ремесленник должен был надеяться на процветание своего дела, верить в лучшее будущее, любить ремесло. Николай Ульянов должен был выполнять строгие цеховые правила. Вот некоторые из них:

«Против управы своей и старшины быть почтительным и послушным и поступать по высочайшему ремесленному положению и уставу о цехах.

Работу производить отличную и прочную и отправлять должность мастера исправно и поспешно.

Учеников учить порядочно, плату производить в определенное время, отпуск им от себя чинить с письменными свидетельствами.

Подмастерьев и учеников другого мастера без письменных отпусков к себе не брать.

Беспашпортных и безбилетных никого не принимать.

Право имеет вывеску своего ремесла выставить на улицу при своем доме...»¹.

Вся жизнь мещанина, цехового ремесленника была опутана назойливой, подчас ненужной опекой. Полицейские учреждения зорко следили за выполнением всех норм, предусмотренных в различных уставах. В таких условиях всепоглощающего господства полицейских органов сам термин «сословное самоуправление» воспринимается как очень условный.

Трудно приходилось Николаю Васильевичу в Астрахани на первых порах. Взять хотя бы такой момент. При вступлении в цех портных следовало внести в кассу ремесленной управы десятирублевый взнос. Николай Васильевич долго был не в состоянии уплатить такую сумму, не один год за ним числилась недоимка. Об этом свидетельствует запись за 1834 год в книге Астраханской ремесленной управы.

Некоторые находки в государственном архиве Астраханской области опровергают некоторые неверные представления о жизни деда В. И. Ленина. До недавнего времени почему-то считали, что Николай Васильевич женился в преклонных летах. Так, Мариэтта Шагинян писала: «Старик Ульянов, женившись на шестом десятке, совсем по-патриаршьи прижил четырех детей, а последнего,— как в народе говорят, «поскребыша»,— Илью, уже в таком возрасте, когда люди большей частью и не помышляют о детях,— шестидесяти семи лет»². Но вот среди других архивных документов в Астрахани найдена «Ревизская сказка 1816 года». В ней среди фамилий мещан на 541-й странице встречаем: «Николай Васильев Ульянов — 47 лет. Его сын Александр — 4 месяцев умре 1812 года. Николая Ульянина жена Анна Алексеевна — 28 лет»³.

¹ ГААО, ф. 491, оп. 1, д. 7, л. 1—2.

² Шагинян М. Предки Ленина.— В лит.-худож. сб. «Астрахань», изд-во газеты Волга, 1958, с. 94.

³ ГААО, ф. 687, оп. 2, д. 6, лл. 183—184.

Исходя из этой записи, надо полагать, что Ульяно женился в конце 1811 или начале 1812 года, так как в ревизской сказке за 1811 год Николай Васильевич числился как несемейный мещанин. А в 1812 году у него уже был сын Александр, который умер в младенчестве и о существовании которого историки даже и не подозревали. Николаю Васильевичу в то время было всего 43 года.

Женился Ульянов на дочери бедного астраханского мещанина. Вот что записано в «Сказке о домовом строении» отца Анны Алексеевны: «Прозвание — Смирнов имя и отчество — Алексей Лукьянович, чин и звание — мещанин астраханский.

1805 года августа 11 дня я, нижеподписавшийся, да сию сказку учрежденному в Астрахани в управлении по винностей комитету, по силе состоявшегося по 2-й деню июля 1804 на доклад министра внутренних дел его императорского величества конфирмации о дворовом месте, о доме и других строениях: сей дом выстроен мною в 1790 году.

И сие мое объявление учинил по самой истине, и по долгу чести гражданина»¹.

Здесь же в специальных графах указаны размеры домового строения. Дворовое место было десять сажен в длину и десять сажен в ширину. Сам дом был деревянный, очень мал размерами. Всего четыре квадратных сажени.

Дом Алексея Смирнова находился в третьей части третьего квартала, на Луковской улице. Луковская улица, где селилась астраханская беднота, шла вдоль реки Луковки, которая соединяла реку Болду с рекой Кутумом. В жаркие летние дни Луковка была похожа на зловонную лужу — рассадник комаров. Зато в половоды по ней проходили груженные рыбой суда.

Возможно, и Николай Ульянов жил вначале на Луковской улице. Здесь и познакомился с Анной. По тем временам Анна Алексеевна считалась засидевшейся в девках. Ей было 23 года, когда она вышла замуж.

Правда, цифру эту нельзя считать категоричной. Дело в том, что в архивных документах есть некоторые

¹ ГААО, ф. 480, д. 430, л. 102—102 об.

расхождения в датах и цифрах. Погрешности лежат на совести канцеляристов XIX века, которые вели записи в деловых книгах подчас очень небрежно. Но в то же время эти книги дают ценнейший материал о жизни астраханских ремесленников. Из огромных, в кожаных переплетах, фолиантов мы узнаем, что большинство мастеров и подмастерьев ремесленной управы жили в 1-й части 1-го квартала, то есть на Косе. «Власти усиленно следили, чтобы среди них не было «беспашпортных жильцов». А каких только мастеров не значилось в ремесленной управе?! Сапожные, портные, плотничьи, слесарные, кузнечные, калошные, квасные мастера, занимающиеся «деланьем мукосейных сит» и даже «варители калмыцкого чая...»¹.

Ремесленная управа помещалась в двухэтажном каменном здании, находившемся на стыке двух улиц — Большой Демидовской (ныне ул. Свердлова) и Малой Демидовской (ныне ул. Михаила Аладьина). Фасад дома ничем не привлекает. Но когда войдешь в арку ворот, то в глаза бросается обширный двор, ограниченный с противоположной стороны таким же зданием, выходящим фасадом на набережную реки Кутум. Две другие стороны двора представляли раньше служебные постройки (сарай, амбары), составляя общее прямоугольное здание. Это здание служило пристанью в период царствования Петра I.

На сохранившемся старинном рисунке видно, что раньше из ворот здания к берегу реки Кутум вели деревянные мостки.

Каменная пристань долгое время использовалась как складское помещение, а в начале XIX века в прочном, добротном здании разместилась ремесленная управа. В это здание через низкие каменные ворота не раз входил Николай Васильевич Ульянов. Здесь в канцелярии цеховых управ цеховые мастера нанимали учеников, составляли всевозможные контракты. В канцелярии стояло семь столов, три шкафа с деловыми бумагами, у стен скамьи для посетителей. Каждый стол заключал два или три цеха, имевших одного писаря. В смежной комнате, называемой «присутственной», стоял стол, накрытый красным сукном, на нем большие ча-

¹ ГААО, ф. 491, оп. 1, д. 3.

**Знамя ремесленников портного
и красильного цеха**

утюг, ножницы, иголки и мелок — все атрибуты портяжного мастерства. Слева на скамье деревянная бадья с краской — своеобразный символ красильщиков.

В начале XIX века жизнь мастеровых и ремесленников в России была поистине каторжной. До половины 60-х годов ремесленники не имели устава, ограничивающего рабочее время. Обычай работать до 10—11 часов ночи практиковался среди портных. Даже дети не освобождались от долгих ночных бдений. За большим закройным столом размещался мастер, а на низких табуретках среди комнаты — подмастерья и ученики. Работали при свечах в душных, низких комнатах, пропахших копотью, красками, сукном и потом. В 30-х годах XIX века ремесло приносило плохие заработки, не выдерживая конкуренции с промышленным производством. В Астраханском гостином дворе появились новые модные лавки «заграничной варшавской одежды и обуви».

Устои старого ремесленного быта расшатывались. Ремесленные кассы были соединены в общую цеховую кассу и находились в заведовании старшин цехов, которые часть денег отделяли для нужд городской управы. К тому же старшины не всегда оказывались чисты на руку.

сы и зеркало. На стене развешены цеховые знамена. Среди них и знамя портных, к числу которых принадлежал Николай Васильевич Ульянов. Сейчас это знамя находится в доме-музее Ульяновых. На голубом полотнище, обрамленном золотистой бахромой, изображен астраханский герб, под ним на лазоревой ленте надпись: «Управа города Астрахани портнаго и красильнаго цеха». Еще ниже — широкий закройный стол. На столе

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Дом на Косе

Я уже писал, что в Астрахани сохранился дом, в котором жила семья Ульяновых. Исторически достоверно помог это доказать документ, который впервые широко прокомментировала Мариэтта Шагинян. Это ревизская сказка от 1835 года. Большой пожелтевший от времени лист бумаги. На нем размашистая запись, сделанная рукой деда В. И. Ленина: «К сей сказке астраханский мещанин Николай Ульянов руку приложил».

Однако вернемся к переписи домовладения и прочитаем ее полностью:

Генваря 19 дня 1835 года

<i>1. Имя и название обывателя, в том городе старожила, родившегося или вновь поселившегося, и его годы.</i>	<i>Астраханский мещанин Николай Васильевич Ульянов. 70 лет.</i>
<i>2. Холост или женат, и на ком, или вдов.</i>	<i>Женат на дочери астраханского мещанина Алексея Смирнова, Анне Алексеевне, имеющей от роду 45 лет¹.</i>
<i>3. Много ли детей мужского или женского пола и их имена и лета.</i>	<i>Имеет детей, сыновей: Василия — 13 лет, Илью — 2 лет, и дочерей: Марью — 12, Федосью — 10 лет.</i>
<i>4. Есть в городе за ним дом, иное строение или место, или земля, им ли построено или наследственное, или куплено, или в приданое получено, в каком месте в городе и который номер.</i>	<i>Имеет в Астрахани дом, состоящий в I части I квартала под № 227, доставшийся ему по покупке от артиллерийской команды лафетного подмастерья Федора Федорова Липаева, на который</i>

¹ Эта ревизская сказка ввела в заблуждение некоторых исследователей и литераторов, которые сделали вывод, что Николай Васильевич был старше жены на 25 лет. На самом деле в то время Николаю Васильевичу было 67, а Анне Алексеевне 48 лет. Разница в возрасте была 19, от силы 20 лет.

дом купчей крепости еще не совершено и никаких документов не имеет, кроме платежных квитанций, цену коему объявил 260 рублей.

5. В городе ли живет тот обыватель или в отлучке.

Жительство имеет в означенном доме.

6. Какого он промысла.

7. В каких городских или иных службах был и есть.

Торговых и промысловых занятий не имеет.

К сей сказке астраханский мещанин Николай Ульянов руку приложил.

Справка: дом Ульянова, состоящий в I части I квартала под № 227 по табели 1831 года, утвержденной г. министром внутренних дел, оценен в 700 рублей.

Повытчик Гусев.

На обороте сказки:

Семейство Ульянова внести в городскую обывательскую книгу с получением в доход города двух рублей пятидесяти копеек. Гласный Абрам... (неясно).

В городскую обывательскую книгу записано под № 1117. Письмоводитель Смирнов.

Два рубля пятьдесят копеек, в книгу записал, квитанцию выдал за № 842, 29 января.

Казначей Смирнов»¹.

Мариэтта Шагинян замечает, что «купчая на дом не была совершена, видимо, по бедности покупателя и не слишком большой требовательности продавца дома, согласившегося даже продать его в рассрочку, потому что при переписи новый хозяин предъявил не одну, а несколько платежных квитанций. Желая уменьшить обложение, Ульянов показал на переписи уменьшенную цифру стоимости, а «повытчик Гусев» сделал «поправку», что цена этому дому на самом деле не 260, а 700 рублей».

Действительно, цена ежегодного обложения недвижимой собственности была для бедноты высокой. Так,

¹ ГААО, ф. 480, оп. 1, д. 799, л. 48.

в «Табеле о домах первой части города Астрахани 1835 года» среди имен владельцев значится дом мещанина Николай Васильевича Ульянина. Цена дома 700 рублей. В графе «Сколько причитается денег по одному проценту» записано: «7 рублей»¹.

Платить семь рублей в год за домовое строение для семьи старого мастера было нелегко. К тому же дом быстро ветшал.

В Астраханском архиве есть «Ведомость 1840 года, учиненная комиссией, учрежденной при Астраханской городской думе для переоценки домов и прочих недвижимостей города Астрахани, принадлежащих 1 части 1 квартала». Из записи в этой ведомости явствует, что дом мещанина Николая Ульянова в свое время стоил 700 рублей ассигнациями. А когда перешел к наследникам, оценивался лишь в двести рублей.

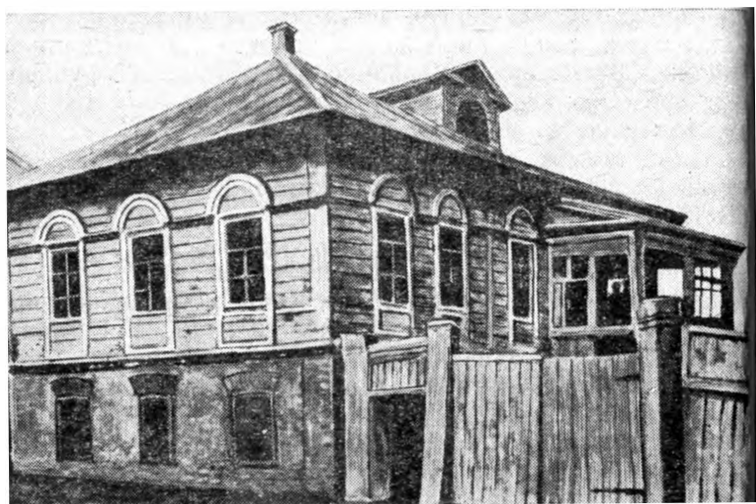
Подтверждающий покупку дома документ был составлен позднее. На 318-й странице «Алфавита мещан города Астрахани за 1845 год» читаем: «Астраханская мещанка Анна Алексеевна Ульянова, от роду 50 лет, вдова... Имеет в городе Астрахани дом, доставшийся ей по наследству от покойного мужа ея астраханского мещанина Николая Васильевича Ульянова»².

После тщательных поисков, которые в начале 30-х годов провел государственный архив Астраханской области, наконец-то удалось установить: дом Ульяновых находился на Казачьей улице, в центре той части города, которая именуется Косой. Любопытно — улица называлась Казачьей потому, что здесь на песчаной косе в 1670 году, возвращаясь из персидского похода, Степан Разин раскинул свой стан. Описание дома Ульяновых имеется в раскладочной ведомости квартирной повинности Астраханской городской управы за 1875 год. Среди других так отмечен дом Василия Николаевича Ульянова: «Двухэтажный дом, низ каменный, верх деревянный со службами»³. Сохранилась и фотография дома, сделанная в 20-х годах этого века. Обычный для Астрахани дом, нижний этаж которого полуподваль-

¹ ГААО, ф. 480, оп. 1, д. 801, л. 23.

² Там же, д. 1105, л. 318.

³ Там же, ф. 94, оп. 5, д. 32046, л. 43 об. и 44.

Домик Ульяновых на Косе

ный, где мастеровые люди хранили инструменты и занимались ремеслом, а верхний отведен для жилых комнат. Окна верхнего этажа, увенчанные полукруглыми арками, придавали дому нарядный, праздничный вид Коса, где находился дом, была бойкой, торговой, но не старой частью города.

До середины XVII века Волга вплотную подступала к бугру, на котором расположен Астраханский кремль. Между стенами кремля и берегами Волги оставалась лишь узкая песчаная полоска — «бичевинка».

В 1722 году, когда Петр I прибыл в Астрахань с флотилией, он подъезжал на шлюпке к Никольским воротам кремля. Но уже через пятьдесят лет небольшая бичевинка превратилась в огромную косу, которая стала быстро застраиваться для нужд судовладельцев и промышленников. Между Никольскими воротами и Крымской башней раскинула свои причалы и пристани биржа, к которой подплывали морские суда. У пристани грудились амбары и склады для товаров и таможня. Под самыми Никольскими воротами находилась пристань для верховых судов. В начале XIX века на Косе

уже строили свои домишки матросы, грузчики, ремесленники, торговцы и отставные солдаты. Здесь на каждом шагу встречались вонючие харчевни и ночлежные дома...

В этой непривилегированной части города дома продавались по сходной цене. Николаю Васильевичу было не до выбора места, лишь бы иметь для семьи добротный угол. А семья была уже немалая. Кроме жены Анны Алексеевны, четверо детей: сын Василий, дочери Мария и Федосья и самый меньшой — Илья. В доме жила и сестра жены Татьяна Алексеевна.

Василий родился 2 марта 1819 года. Согласно метрической записи Гостино-Николаевской церкви, крестным отцом Василия был записан коллежский асессор Петр Семенов Богомолов¹, сосед Николая Васильевича. Их дома находились на одной улице.

В метрической книге Гостино-Николаевской церкви г. Астрахани за июль 1831 года появляется новая запись: «Июля девятнадцатого у астраханского мещанина Николая Васильевича Ульянова и законной жены его Анны Алексеевны родился сын Илья. Молитствовал и крестил иерей Николай Ливанов с дьячком Семеном Казинским. Восприемниками были означенный иерей Николай Ливанов и астраханского мещанина Алексея Лукьянова дочь — девица Татьяна»². Крестил Илюшу протоиерей Николай Ливанов. Тот же Ливанов стал и крестным отцом Илюши, «восприемником», как тогда называли.

Николай Агафонович Ливанов, коренной астраханец, пользовался большой популярностью в городе. Он был членом оспенного комитета, много раз назначался для ревизии церковей астраханской епархии, проверял отчеты попечительства о бедных, избирался гласным городской думы, был три года законоучителем открытой им церковноприходской школы..

Видимо, Николай Ливанов был хорошим другом старого портного, если согласился быть крестным отцом его сына. А крестной матерью Илюши была тетка, сестра матери, Татьяна Алексеевна, пестовавшая малышей в семье Ульяновых.

¹ Архив Астраханского обкома КПСС.

² ИМЛ, ф. 11, оп. 1, д. 3, л. 1.

Крестили Илюшу в церкви, где служил крестный отец Николай Агафонович. Кроме жителей Косы, церковь посещали все прибывшие в Астрахань рыбаки и мореходы. Ведь церковь-то была названа во имя Николая-чудо творца — покровителя моряков. К церкви прилипло название «Николы-Гостиного», так как рядом с церковью разногласно шумел гостинный двор.

Жаль, что эта церковь не сохранилась. Ее сломали совсем недавно, в начале 70-х годов нашего века. Построена она была в 1703 году. Здесь, под высокими сводами огромного здания, в первые годы Советской власти разместился губернский Государственный архив.

Именно здесь были разысканы первые документы семьи Ульяновых: метрическая запись, по которой установлены даты крещения Ильи Николаевича и фамилии его крестных отца и матери; книга «На записку мастеров», где перечислено множество профессий ремесленников, существовавших в 1834 году, и где в списке «Портные астраханские мещане» под № 3 значится: «Николай Васильевич Ульянов, внесший налогу единовременно десять». Здесь же нашли и переписку домовладения 29 января 1835 года, по которой отыскали дом Ульяновых, установили, что он находится на бывшей Казачьей улице.

В «Записках об Астрахани», изданных в 1841 году М. С. Рыбушкин писал о «косинских» улицах: «Хотя месторасположение сей части не представляет для жителей ее совершенного удобства, но промышленность умела извлечь свои выгоды: здесь производится складка дров, бревен и прочих строительных материалов коими город сей каждодневно снабжается из внутренних губерний России»¹.

По словам Надежды Константиновны Крупской Илья Николаевич рос в Астрахани, не отгороженный от жизни стеной... Да разве можно было отгородиться от жизни, когда улица у дома Ульяновых с раннего утра оглашалась шумом и гвалтом.

На берегу Косы шла беспрестанная нагрузка и выгрузка товаров. Сюда приставали беляны и тяжело гру-

¹ Рыбушкин М. С. Записки об Астрахани. М., 1841, с. 174—175.

женные баржи с мукой. Рабочие артели спешили предложить свои услуги купцам и приказчикам. Нередко грузчиков скапливалось слишком много. Кому работать? Метали жребий. Работа начиналась с рассветом и кончалась после захода солнца. В сумерки крючники разводили на берегу костер и варили овсяную кашу. Белый хлеб был редкостью.

Еще меньше платили грузчикам-персам. Они работали под палящими лучами солнца целый день за горсть риса.

Прошло несколько лет, и уже другой бытописатель Астрахани А. Штылько оповестил, что на долю Косы приходится почти половина торговцев и ремесленников всей Астрахани: «Словом, «Коса» — это кипучий угол Астрахани, полный особенностей во всех отношениях, до санитарного включительно. На «Косе» бок о бок живут возмутительнейший разврат и примерная добродетель; ужасы нищеты, позора, несчастья и прелести богатства, славы; голод и обжорство, лохмотья и бархат, шелк, кружева; на «Косе» рядом со страданиями измученных борьбою за существование льется шампанское, проигрываются тысячи в самые бессмысленные игры...»¹.

Несмотря на близкое соседство с центром города, улица Казачья в середине XIX века была лишена благ культуры: ни мостовой, ни тротуаров, лишь редкие фонари со светильниками на рыбьем жире тускло мерцали у домов лавочников. Нередко на Косе бушевали опустошительные пожары. Так, 24 мая 1842 года пожар «в 1-й части города около Волги продолжался 12 часов и истребил 5 каменных и 39 деревянных домов»². Дом Ульяновых не пострадал. После этого Городская управа издала специальное постановление об учреждении обывательских караулов «для предосторожности против пожарных и других случаев».

На Косе, кроме всевозможных купеческих складов, во многих дворах находились большие запасы смолы, дегтя, пакли. В Астраханском государственном архиве хранятся огромные книги о караульном надзоре. В одной из них имеется запись: «10-й караульный пост. Казачья улица и Безымянный переулоч в обе стороны».

¹ Штылько А. Иллюстрированная Астрахань. Саратов, 1896, с. 22.

² Астраханские епархиальные ведомости. 1884, № 13, с. 224.

Ниже помещен список жителей, которые платили караульщику. Среди фамилий читаем — «Мещанка Ульянова — 50 коп.»¹.

50 копеек за караульный надзор Ульяновы платил отставному рядовому Лариону Пигусову. Платили отдельно и за уборку улицы. Во время дождей поток грязи, стекая с бугра, заливали подворья. Рядом с большими каменными домами на Казачьей улице ютились деревянные домики мелких торговцев. Каждая дверь звала, каждое окно манило. Здесь армянин-картузник там — жестянщик, напротив — продажа бубликов и чая...

Николай Васильевич с раннего детства приучал детей к самостоятельности. Дети помогали родителям в домашних делах, ходили за нехитрыми покупками в ближайшую лавчонку. Анна Ильинична Ульянова писала в 1925 году: «Одним из ранних воспоминаний Ильи Николаевича было следующее. Его послали вечером лавочку купить чаю на пятак. Дали гривенник. Во вращаясь с покупкой, зажатой в одной ручонке, и со сдачей в другой, мальчик завяз в грязи и так основательно, что не сумел выкарабкаться, не прибегнув к помощи рук, и со сжатыми грязными кулаками стоял довольно долго за входной дверью, не решаясь войти, боясь, что влетит от отца за тот вид, в котором ему придется передать покупку и сдачу»².

Аккуратность и бережливость — вот отличительные черты, присущие детям Николая Васильевича. Старый мастер часто болел, но продолжал трудиться. Дети замечали сосредоточенную угрюмость отца, склонившегося с иглой и наперстком в руках над работой. Слышали они и частые горестные вздохи матери. В семье все понимали, что в дом все сильнее и настойчивее стучится нужда. К тому же приходилось платить всевозможные подати. При постоянной нехватке денег особенно тягостной была подушная подать. Ее взимали с каждого человека мужского пола, независимо от возраста. В окладной книге по сбору податей с членов мещанского общества в 1836 году на 89-й странице записано, что подушной податью были обложены Николай Ва-

¹ ГААО, ф. 94, оп. 1, т. 8, д. 34355, л. 417.

² Ульянова А. В. Юбил. сб. Памяти Ильи Николаевича Ульянова. Пенза, 1925, с. 7.

силевич Ульянов, его сыновья — семнадцатилетний Василий и пятилетний Илья — будущий отец В. И. Ленина. Наряду с непосильностью этого вида налога сказывалась и неравномерность. Получалось так, что бедный мещанин, имевший трех малолетних сыновей, уплачивал денег вдвое больше зажиточного, имевшего одного взрослого сына. Были годы, когда Николай Васильевич оказывался в положении неплательщика из-за тяжелого материального положения. Среди дел Астраханской мещанской управы в «Ведомости об астраханских мещанах, состоящих неплательщиками за 1822 год подушной подати и прочих повинностей» на восемьдесят шестом развороте под литерой «у» имеется запись: «Николай Васильевич Ульянов — 1 р. 47 коп.»¹.

Выкраивая куски сукна на сюртуки и поддевки, Ульянов думал лишь об одном — чтоб в доме был достаток, чтоб хватило сил вывести в люди детей. Не пришлось Николаю Васильевичу дожить до светлых дней. Тяжкая болезнь свалила портного в постель. А ведь он был единственным кормильцем. Пришлось обратиться за помощью в ремесленную управу.

8 марта 1960 в газете «Волга» впервые был опубликован следующий документ. Хочется привести его полностью:

«Выписка из настольного регистра Астраханской ремесленной управы о выплате 100 рублей мещанину Ульянову Н. В.

5 июня 1836 года.

Выдано по протоколу, учиненному ремесленной управой, на 5 число сего июня, вследствие учиненного обществом ремесленников приговора на основании 387-й статьи свода законов II-го тома, книги 3-го свода ремесленных постановлений, и подтвержденного Астраханским магистратом данным управе указом в 4-й день июня № 1236, престарелому и в болезни находящемуся портному мастеру астраханскому мещанину Николаю Васильевичу Ульянину всего сто рублей биржевым курсом, каковая сумма получена от портного цеха из ре-

¹ Из архива П. И. Усачева, хранящегося в архиве Астраханского обкома КПСС.

месленной казны. Оные деньги сто рублей биржевым курсом получила означенного мастера Ульянинова жена Анна Алексеевна, а вместо нее, неграмотной, по приказанию ее сын родной Василий Николаевич Ульянинов расписался»¹.

В ревизской сказке астраханских мещан по 9-й народной переписи значится: «Николай Васильевич Ульянов — умер в 1836 г.». В 1836 году Илюше было всего пять лет. И хотя Анна Ильинична Ульянова в своих воспоминаниях писала, что, когда умер Николай Васильевич, младшему было всего семь лет, в подобных случаях мы должны больше доверять архивным документам. Тем более, что весь 875-й лист ревизской сказки заполнен рукой Василия Ульянова. В заключение он писал: «...вместо вдовы астраханской мещанки Анны Алексеевны, по мужу Ульяновой, за неумением ее грамоте и по личному ее приказанию родной сын ее Василий Николаевич Ульянов руку приложил»².

Та же дата смерти старого портного указана и в деле Астраханской казенной палаты о назначении рекрутского набора на 1850 год. В графе, отведенной для указания имени, отчества и прозвания старшего члена семейства, записано: «Николай Ульянов, умерший в 1836 году»³.

Николай Васильевич скончался во второй половине 1836 года, так как в июне он еще получил пособие по болезни.

Ульянова похоронили на деньги собратьев по цеху. Попечение о похоронах брали на себя мастера-ремесленники. Об этом было записано в управном свидетельстве, являющемся официальным документом.

После смерти кормильца семья бедного портного осталась без всяких средств. Старший в семье — семнадцатилетний Василий. Ему и пришлось на свои неокрепшие плечи взвалить непомерную ношу главного в семье.

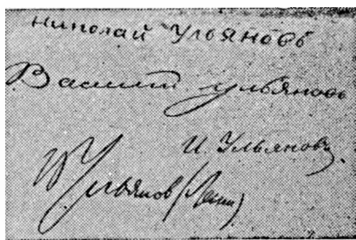
Вскоре старшая сестра Мария вышла замуж за вдовца Николая Захаровича Горшкова. После смерти первой жены у Николая Захаровича на руках были два малолетних сына — Константин и Александр. Но, веро-

¹ ГААО, ф. 491, оп. 1, д. 5, лл. 5, об., 6.

² Там же, ф. 687, оп. 1а, д. 59, л. 87б.

³ Там же, оп. 1, д. 97, л. 22.

ятно, Марии Ульяновой было не до выбора жениха. А Николай Захарович считался купеческим сыном. Его отец Захар Гаврилович (в бывшем государственный крестьянин села Никольского) перешел из общества астраханских мещан в трехгильдии купечество в 1844 году, имея капитала 2 тысячи рублей. Капитал был вложен в «Эмбенскую рыбопромышленность»¹ (рыболовные суда и снасти).

Факсимиле Николая Васильевича, Василия Николаевича, Ильича Николаевича Ульяновых и Владимира Ильича Ульянова (Ленина)

Эмбенский лов получил название от старинного, когда-то добычливого промысла против устья реки Эмбы. Необходимая принадлежность лова: эмбенская сточная лодка, подъездная или подбежная лодка, несколько подчалков. Стоичная стоит на якоре на месте лова, играя роль плавучей ватаги: на ней живут рыбаки, размещены орудия лова, здесь же посольные чаны. Подъездная лодка для сношения с берегом. Она увозит пойманную рыбу и доставляет воду и провиант. Подчалки для производства лова. В них перебирают сети и снасти. Эмбенский лов обычно вели коренные астраханцы, был он прекрасной школой подготовки самых выносливых моряков.

Муж Марии Николаевны не раз выходил с отцом на этот опасный лов. Осенью 1853 года Николай Захарович попал в жестокий шторм, сильно простудился и умер от горячки в 39 лет.

После его смерти вся забота о семье легла на плечи жены. Мария Николаевна не согнулась, не упала духом. Воспитала и двух пасынков, и двух родных сыновей, Ивана и Степана. Жила она в небольшом деревянном домике. Он стоил всего двадцать рублей. В налоговой раскладочной ведомости за 1872 год было записано, что «дом вдовы Марии Горшковой по малоцен-

¹ ГААО, ф. 480, оп. 1, д. 2998, л. 63.

ности налога не подлежит»¹. В те годы посильную помощь ей оказывал брат Василий Ульянов.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

На соляных озерах

Василий Ульянов хорошо знал грамоту. Уже с тринадцати лет помогал семье. Он наскоро составлял беднякам прошения и всевозможные челобитные, ставил подписи за неграмотных мещан и крестьян.

Вот запись на 18-м листе ревизской сказки: «К сей сказке государственный крестьянин Степан Кургузов, а по безграмотству его, по личной просьбе, мещанский сын Василий Ульянов руку приложил»².

Записей рукой Ульянова было сделано немало. Василий расписывался и за мещанку Авдотью Скоробогатову, и за вдову Елену Федорову, и за юртовского татарина Вагапа Нуримова...

За подобные услуги мальчику платили копейки, но и они были подспорьем в бюджете семьи. По записям Василия Ульянова видно, что в тринадцать лет он имел уже поднаторевший канцелярский почерк.

После смерти отца Василий решил найти постоянную работу. И он ее вскоре нашел.

В одном из номеров «Астраханских губернских ведомостей» за 1841 год есть объявление «О вызове на службу». Там, между прочим, говорилось: «Астраханское соляное правление вызывает желающих, знающих грамоту, к занятию должности вахтеров и соляных объездчиков. Жалование таковым назначается в год 57 рублей серебром».

Жалованье небольшое, но Василий становится объездчиком. А куда еще было податься Ульянову? Тяжелая физическая работа была ему не под силу. Рост его был невелик. По свидетельству городской думы, проверявшей здоровье рекрутов, Василий Ульянов «оказался ростом 2 аршина 2 3/4 вершка»³.

А. И. Ульянова-Елизарова писала: «Василий Николаевич Ульянов некоторое время работал соляным объ-

¹ ГААО, ф. 480, оп. 1, д. 2998, л. 63.

² Там же, д. 799, л. 18.

³ Там же, ф. 454, оп. 2, доп., д. 27, л. 195.

ездчиком, а затем приказчиком рыбопромышленной фирмы «Братья Сапожниковы»¹.

Молодые, грамотные и расторопные люди нужны были компании братьев Сапожниковых. Эти астраханские демидовы владели богатейшими землями и водами. По описи, составленной в 1837 году чиновником Соляного правления, титулярным советником Арефьевым, в Астраханской губернии насчитывалось 711 соляных озер. Продажа соли была монополией государства, но, не имея средств вести разработку на всех озерах, казна передавала часть озер для солеразработки частным лицам. И вот к соляным богатствам страны потянулись жадные руки рыбопромышленников Лианозова, Федорова, Кокуева, братьев Сапожниковых...

Сапожниковы удерживали первенствующую роль в деле соляных откупов, беря с торгов поставку эльтонской соли в Пензенскую, Симбирскую и другие губернии. Благодаря покровительству губернатора подряды на поставку соли всегда оставались за братьями Сапожниковыми, хотя при торгах ловкие промышленники представляли зачастую вместо денег фиктивные имения.

Затем Сапожниковы взяли на откуп Басинские, Дарминские, Курочкинские и Алгаринские озера, разделили степь на участки, посадили в каждом по соляному приставу, дали приставу конную стражу. Конных стражников называли дозорщиками или объездчиками. Среди них и Василий Ульянов.

Объездчики следили, чтобы бугры добытой соли были определенных размеров: в длину—20 сажен, в ширину—4, по гребню—16, а в высоту—1 2/3 сажени... Но главное, объездчики наблюдали, не ведется ли воровская добыча соли, не сбывают ли ее подрядчики по дешевке на сторону.

Вновь прибывшим на озера рабочим объездчики выдавали под роспись специальные лопаты для ломки соли. Они были похожи на веяльные. Особыми были и деревянные молотки-колотушки на длинных рукоятях. Ими размальывали соль. Затем ее сгребали в кучи, которые называли копнами. Но прежде ее очищали от сора и прилипшей грязи.

¹ И. Н. Ульянов. Воспоминания современников. Саратов, Приволж. кн. изд-во, 1968, с. 11.

Нередко соляных объездчиков посылали на озера вербовать калмыков из соседних улусов. Тяжки и безжалостны были договоры, которые составлялись от лица соляной конторы. Приведу лишь один из множества хранящихся в Астраханском архиве договоров. В 1838 году десять калмыков Богацехуровского улуса подрядились выломать тридцать тысяч пудов соли на Дарминском озере. В составленном договоре калмыки обязывались: «Выломанную нами соль обязуемся разбивать мелко и промывать как можно чаще рапою, чтобы была она без земли, грязи и дурного запаха, которую потом складывать на озерах в точки и копны до того времени, пока отпечат и просохнет, но если означенная соль окажется в пищу человеческую непригодною, таковую от нас не принимать, а вместо оной должны мы ломать другую...»¹

Но кто мог поручиться, что труд не будет напрасным? Из соляной конторы приезжали проверять качество соли, когда она уже была сложена в бугры.

Далее в договоре говорилось: «На случай хворости нашей и самой болезни на соляных озерах не принуждать нас пользоваться русскими врачами и лекарственными медикаментами, а представлять нам лечение по нашему обычаю, гелюнгам нашим, и до сего положения Соляному правлению дела нет».

Соляное правление контролировало деятельность частных солепромышленников, но оно было бессильно против статей договора. Даже при самой большой смертности на озерах промышленники не в ответе: калмыки не хотели лечиться. Да и на медикаменты расходов никаких.

Часто объездчики сопровождали обозы с харчами и промысловой одеждой, бахилами, поршнями, рукавицами...

Как видно, круг обязанностей объездчиков был очень обширным. Работа доставалась «солону». Василий Ульянов днями не слезал с седла, мотался по выжженной солнцем степи, где истинным наслаждением почитался глоток кумыса.

Но вскоре служебное положение Ульянова изменилось. Сапожниковы произвели Василия Николаевича в

¹ ГААО, ф. 369, оп. 1, д. 614, лл. 79—88.

Московская улица Астрахани. Первая дверь слева — вход в контору Сапожниковых, где служил В. Н. Ульянов

соляные приказчики. Приказчики следили за доставкой соли с Басинской и Дарминской пристаней в бертюльские и астраханские оптовые магазины. Они обследовали также надежность дощаников и барок и не допускали к провозке соли негодные суда. Сапожниковы требовали ради быстрой доставки соли больше пользоваться бурлацкой тягой, и в условиях с поставщиками-судовладельцами приказчики выговаривали: на парусах соль не возить.

Кроме того, приказчикам выдавались шнуровые, скрепленные книги, где записывался приход и расход соли. Причем Сапожниковы обязывали приказчиков представлять копии с книг в акцизное управление.

Соляная контора Сапожниковых размещалась в самом центре города на Московской улице в нижнем этаже Гостиного двора. Московская улица считалась в то время лучшей в городе.

Т. Г. Шевченко, возвращаясь из ссылки и остановившись в Астрахани, так описывал эту улицу: «Проходя по Московской улице (Невский проспект), у меня

начало сглаживаться первое неприятное впечатление. Улица — хоть куда. Дома большею частью трехэтажные, украшенные снизу, как водится, вывесками, преимущественно голубыми с 'золотом'¹.

* * *

В доме соляного приказчика Василия Ульянова не было роскоши и довольства. А ведь в большинстве случаев приказчик у промышленника — это безотчетный управитель какой-то части предприятия.

Редкий человек в этих условиях оставался великодушным, чистым, благородным. И все же Василий Николаевич сохранил исключительную честность. Ульянов довольствовался положенным ему жалованьем, жил скромно, бережливо.

В Астраханском государственном архиве хранится немало окладных книг и налоговых ведомостей Астраханской городской управы. Здесь часто можно встретить фамилию Василия Ульянова. Каждый год с него регулярно взимались налоги и повинности. И даже учитывались «канцелярские издержки — 62 1/2 коп.».

В реестре входящих документов мещанского общества за 1867 год есть такая запись: «Предписание городской думы от 14 февраля за № 1258 о доставлении сведения, числится ли на здешнем мещанине Василье Николаеве Ульянове по мещанской повинности, за какое время и в каком количестве»².

К подобным предписаниям городская дума прибегала лишь в том случае, когда чувствовала несостоятельность налогоплательщиков. А ведь по свидетельству А. И. Ульяновой-Елизаровой, Василий Николаевич «много лет тянул лямку в одном и том же учреждении и отличался большой исполнительностью и добросовестностью»³.

Имя Василия Ульянова стояло в списке мещан города Астрахани, имеющих право участия в выборах на собраниях мещанского общества. Здесь, среди владель-

¹ Шевченко Т. Дневник. М., 1954, с. 124.

² ГААО, ф. 487, оп. 2, д. 11, л. 38.

³ Ульянова-Елизарова А. И. Ответы г. Шидловскому. Пролетарская революция, 1922, № 3, с. 334.

цев лавок, фруктовых садов, рыбных лабазов, значилось имя Ульянова, имевшего из недвижимой собственности единственный дом, доставшийся от отца. Никакой своей собственности Василий Николаевич не приобрел.

Василий Ульянов трудился на Сапожниковых долгие годы, но еле сводил концы с концами. Он даже не обзавелся собственной семьей. В определенной мере подтверждалось написанное А. Штылько о том, что среди рабочих целые поколения со дня рождения до гробовой доски служили делу Сапожниковых. Буржуазный журналист выдавал это чуть ли не за благодеяние, за великую щедрость широкой натуры русского купечества. Ведь Сапожниковы строили благотворительные учреждения, воздвигли в Астрахани восемь церквей. На деле такая «щедрость» была строго выверенным расчетом. Чем нанять на работу новичка, лучше прибавить несколько копеек тому работнику, который уже хорошо знает дело. Постройка одной церкви давала дому Сапожниковых куда больше известности, чем самая заманчивая реклама.

Когда полая вода, прорвав валы на Косе, грозила затопить Астрахань, Алексей Сапожников приказал укреплять берега мешками с мукой, взятой из его магазинов. И опять крики о его щедрости: «Сапожников — спаситель города Астрахани!» Но, чтоб заткнуть в валах брешь, потребовалось 360 мешков ржаной муки. Сапожниковы жертвовали 360 мешков, чтобы целыми остались тысячи пудов, хранившихся в их складах на Косе.

Зато мещанское общество поднесло Алексею Сапожникову, когда он был городским головою, серебряное блюдо (хлеб-соль) с надписью: «За спасение города Астрахани от потопления в половодье».

Точно так же, как у тысяч безымянных тружеников, которые ломали соль, добывали рыбу, водили груженные караваны судов, строили дворцы и мосты, могло бы остаться неизвестным нам и имя Василия Николаевича Ульянова, человека высоких душевных качеств. Но Василий Николаевич сыграл огромную роль в жизни отца Ленина — Ильи Николаевича. Лишившись в пятилетнем возрасте отца, Илья Николаевич всецело зависел от своего старшего брата. Именно ему он обязан своим воспитанием и образованием.

Василий Николаевич Ульянов

«Не раз в жизни вспоминал Илья Николаевич с благодарностью брата, заменившего ему отца,— писала А. И. Ульянова-Елизарова,— и нам, детям своим, говорил, как он обязан брату. Он рассказывал нам, что Василию Николаевичу самому хотелось очень учиться, но умер отец, и он еще в очень молодых годах остался единственным кормильцем семьи, состоявшей из матери, двух сестер и маленького брата. Ему пришлось поступить на службу в какую-то частную контору и оставить мечты об образовании. Но он решил, что, если ему самому учиться не пришлось, он даст образование брату...»¹

До нас дошла старая фотография, на которой изображен Василий Николаевич. Он сфотографировался, когда уже служил приказчиком. Напояженные волосы зачесаны на косо́й пробор. Крутой лоб, худощавое, волевое лицо. Под изломом негустых, но темных бровей внимательные, полные энергии глаза. Легкая улыбка блуждает под небольшими усами. Ульянов сидит, откинувшись на спинку кресла, скрестив на груди руки. Небрежно повязанный на белоснежной рубашке галстук, модный сюртук и клетчатый жилет придают ему интеллигентный вид. Василий Николаевич был человеком начитанным. Имел полный шкаф книг. На книги он тратил последние свои сбережения. Книги тогда стоили дорого. Эту любовь к книгам он привил и своему младшему брату Илье.

Видимо, с 1867 года Василий Николаевич стал сильно болеть. Он был уже не в состоянии, как прежде, совершать зимой объезд бертульских соляных магазинов

¹ Воспоминания родных о В. И. Ленине, М., 1955, с. 7.

и соляных складов в Басах и Дарме. Зимний дорожный возок стал не нужен, и в 1867 году в № 23 «Астраханского справочного листка» было помещено объявление: «Продается зимний дорожный возок, видеть его и о цене узнать в доме Василия Николаевича Ульянова в 1-й части, близ весов, на Косе».

ГЛАВА ПЯТАЯ

В Астраханской гимназии

В Астраханскую гимназию Илья Ульянов поступил из Астраханского уездного училища. Уездное училище размещалось в здании, купленном у титулярного советника Соколова в Гарянском ряду. Рядом находилось духовное училище. Напротив — Гарянский ряд, где вместе с разными деревянными изделиями продавалась и «березовая каша» для провинившихся учеников, за которой нередко посылали дворника. В Гарянском ряду располагались многочисленные харчевни, где ютились пришлые босяки, отставные чиновники, монахи-расстриги. Нередко в окна училища доносились романсы, а то и крепкая брань. Множество рабочих были заказчиками писем, всякого рода просьб, торговых соглашений, и восхитанники уездного училища иногда перехватывали эту работу, но пойманным за это жестоко доставалось от начальства. Помещение училища было тесное и грязное. Рекреационным залом служил коридор, который вел к классным комнатам, раздевалке, квартире помощника смотрителя. Здесь происходили бои: один на один и стенка на стенку, недаром кто-то окрестил коридор «Каспийскими воротами». Летом во дворе играли в свайку, которая так глубоко уходила в размытую землю, что не только зубами (а так требовалось по условию игры), но и руками проигравшие не могли ее достать.

В период учебы Ильи Ульянова в уездном училище его почетным смотрителем был губернский секретарь Иван Арзуманов, окончивший Московский университет, учителем истории и географии — Василий Смольков, окончивший астраханскую гимназию, учителем русского языка бывший гимназист Василий Бобров, а учителем

рисования, черчения и чистописания Тимофей Шамшев, окончивший С.-Петербургскую Академию художеств.

Уездное училище сын портного окончил с отличием.

Седьмого сентября 1843 года Илюша Ульянов переступил порог Астраханской мужской гимназии. Стать гимназистом было для мальчика не так-то просто. Выходцам из «податного сословия» доступ в это учебное заведение был ограничен. Только благодаря большим связям крестного отца Илюши протоиерея Николая Агафоновича Ливанова удалось устроить мальчика в гимназию.

Василию Николаевичу тоже пришлось немало хлопотать, ходить по разным учреждениям, чтоб достать документы, необходимые для зачисления в гимназию младшего брата.

3 сентября Василий вместе с Илюшей ходил в Астраханскую врачебную управу, которая выдала «Свидетельство» для предъявления в гимназию. В «Свидетельстве» рукою оператора Замберского было записано, что «...он, Илья, в настоящее время собою здоров, что оспа была на нем натуральная, что видно из знаков на лице его и что никаких телесных недостатков, препятствующих к поступлению в учебное заведение, не имеет»¹.

Василий Николаевич заботливо следил, чтоб у Илюши были необходимые учебные пособия и тетради. Сила примера старшего брата, отказавшегося от личного счастья, чтобы дать ему образование, заставила Илюшу отнести к своему учению как к долгу, воспитала в нем необыкновенную добросовестность и трудолюбие. Поступив в гимназию, сын портного вскоре становится одним из ее лучших учеников.

Кандидат педагогических наук А. Карамышев в статье, опубликованной в газете «Волга» 7 марта 1963 года, писал, что в фондах архива Татарской АССР есть «Ведомости об учениках Астраханской гимназии, получивших на испытаниях за первую половину 1843/44 учебного года, отметку не ниже «4», где значится ученик 1-го класса Илья Ульянов, получивший по большинству предметов высший балл.

Здание гимназии находилось в центре города, на углу Почтовой и Полицейской улиц. На сохранившейся

¹ ИМЛ, ф. 11, оп. 1, д. 4, д. 3.

Здание Астраханской мужской гимназии, в которой с 1843 по 1850 год обучался И. Н. Ульянов

старинной фотографии видно, что здание гимназии каменное трехэтажное, угол здания несколько закруглен.

Наверху, под самым карнизом, гимназическая эмблема. Со стороны Почтовой улицы, вдоль тротуара, посажены молодые деревца. В конце улицы сквозь зелень деревьев тянутся вверх главы Успенского собора — творение рук крепостного зодчего Дорофея Мякишева. На здании гимназии на специальных мраморных досках видны надписи. С одной стороны: «Мужская гимназия», с другой — «1783. Екатерина II». В царствование Екатерины II в Астрахани открыли главное народное училище. В 1806 году его преобразовали в гимназию и разместили в здании, построенном по проекту архитектора П. М. Скаржинского.

Для постройки использовали кирпич из развалин бывшего Троицкого монастыря. В подвальном этаже были сдаваемые внаем ледники, на первом этаже разместились классы, а на втором и третьем — квартиры директора и учителей.

Несмотря на внушительный внешний вид здания гимназии, у ее директора П. П. Кочкина были основания в тридцатые годы прошлого века пожаловаться в Казанский учебный округ. В рапорте говорилось о том, что здание гимназии лишено необходимых удобств и вообще по устройству своему мало соответствует потребностям учебного заведения. Главнейший недостаток состоял в крайней тесноте классных помещений, коридоров и лестниц, которая бросалась в глаза каждому при первом же взгляде. «Теснота классов,— сетовал директор,— выражается также в том, что во многих из них ученические столы расставляются почти без проходов и промежутков. Коридоры и лестницы также тесны, только при усиленном надзоре может поддерживаться сносный порядок и более или менее беспрепятственное движение»¹.

Тот же Кочкин доносил астраханскому гражданскому губернатору:

«В зале Астраханской губернской гимназии ветхий потолок поддерживается несколькими внутренними столбами. А как время публичного испытания сближается и я сомневаюсь, не опасны ли от времени и сами столбы этой залы, то покорнейше прошу Ваше превосходительство приказать губернскому архитектору освидетельствовать залу Астраханской губернской гимназии, можно ли в оной производить публичное испытание»².

Не лучше обстояло дело и с качеством преподавания. В первой половине XIX века, ввиду крайне мизерной платы, многие способные учителя покидали стены гимназии. Оставшихся служба тяготила, засасывала тина повседневных забот.

Даже церковная газета писала:

«Между воспитателями того времени были люди, отличавшиеся буйством и пьянством, каковые пороки господствовали и в тогдашнем обществе. Некоторые из них появились в классе под влиянием Бахуса. Учитель французского языка Дюро на обеде у архиепископа Гаия напился пьян, наделал много неприятностей хозяину и гостям, за что и был выведен по распоряжению

¹ Остроумов Т. Исторический очерк Астраханской 1-й мужской гимназии за время с 1806 по 1914 год. Астрахань, 1916, с. 601.

² ГААО, ф. 1, оп. 5, д. 54, л. 1.

полиции. Он же, Дюро, от пьянства потерял рассудок... Учитель Востоков вышиб двери в комнату другой учительской квартиры и делал разные буйства...»¹

Были учителя, которых аттестовали: «Не способен по случаю лишения здравого рассудка» — и тем не менее оставляли на десятки лет поучать юношество уму-разуму.

Ко времени поступления в гимназию Илюши Ульянова положение несколько улучшилось. Были приняты на работу многие способные преподаватели. И все же в отчете за 1844/45 учебный год директор гимназии писал о том, что успешному ходу преподавания мешал недостаток преподавателей по случаю их выбытия.

За время учебы Илюши Ульянова сменилось несколько директоров гимназии. Вначале был Валериан Александрович Лубкин. Работал он в Астрахани недолго, с февраля 1844 года до августа 1847 года. Столкнувшись со всевозможными кляузными и доносами, что было не редкостью в гимназии, он одно за другим подавал заявления с единственной просьбой — перевести его в Саратов.

Лубкина сменил коллежский советник Андрей Петрович Аристов. После ревизии, проведенной в июне 1854 года, попечитель Казанского учебного округа писал Аристову: «Приятно было убедиться, что порядок по управлению и состоянию гимназии значительно лучше против прежнего, а потому изъявляю благодарность за доказанную с вашей стороны попечительность о пользе службы»².

«Порядок», конечно, водворялся строжайшими приказами и новым, более строгим, уставом для учащихся. Он лишал гимназистов каких бы то ни было прав, предусматривал за каждым обучающимся строжайшую слежку.

По воскресеньям и в праздничные дни гимназистов заставляли обязательно посещать церковь. По распоряжению попечителя были введены журналы записей о поведении учащихся, куда заносили и то, какую литературу читали гимназисты.

¹ Астраханские епархиальные ведомости, 1875, № 8, с. 14.

² Остроумов Т. Исторический очерк Астраханской 1-й мужской гимназии за время с 1806 по 1914 год, с. 130.

Инспекторы гимназии следили за благонадежностью учителей. Многие преподаватели за свои демократические взгляды были на подозрении у начальства.

Когда Илюша Ульянов поступил в гимназию, в том же году там стал преподавать Иван Николаевич Холмогоров. Холмогоров только что окончил Казанский университет и был направлен старшим преподавателем персидского языка в Астраханскую гимназию. Кроме этого, он преподавал латинский язык в младших классах. Иван Николаевич был не только хорошим педагогом, но крупным ученым. Впервые в России он перевел на русский язык творения замечательного персидского поэта Саади.

Илюша Ульянов изучал физику и математику под руководством Николая Михайловича Степанова, Юлиана Онуфриевича Оземблевского (учениками знаменитого математика Н. И. Лобачевского), Сергея Александровича Колесникова и Егора Крестьяновича Рихтера. Эти умелые и вдумчивые преподаватели старались увязать учебный материал с техническими достижениями за рубежом и в России, приучали гимназистов читать научные журналы. Николай Михайлович Степанов увлекался и астрономией. В одном из номеров «Астраханских губернских ведомостей» он напечатал статью «О метеоре, виденном в Астрахани в 1848 году». Затем эта статья была перепечатана многими столичными журналами. Видимо, еще в гимназии увлекся астрономией и Илюша Ульянов.

В период обучения Илюши Ульянова в гимназии гимназический курс математики был построен следующим образом: в 4-м классе — решение уравнений первой и второй степени с применением алгебры и геометрии, в 5-м — решение уравнений первой и второй степени с геометрией и алгебраическим анализом, в 6-м классе — тригонометрия и общая физика, в 7-м — частная физика и общее положение о движении и равновесии «при пособии механических снарядов в физическом кабинете».

Николай Михайлович давал читать гимназистам некоторые номера «Казанского вестника». Это был очень популярный среди учителей и учащихся журнал. Степанов хотел сделать математику доступной и понятной каждому гимназисту. Он приложил немало сил, чтобы оборудовать физико-математический кабинет новейши-

ми приборами и макетами. Такая постановка преподавания физико-математических дисциплин, несомненно, оказала впоследствии влияние на выбор Ильей Николаевичем этих наук в университете.

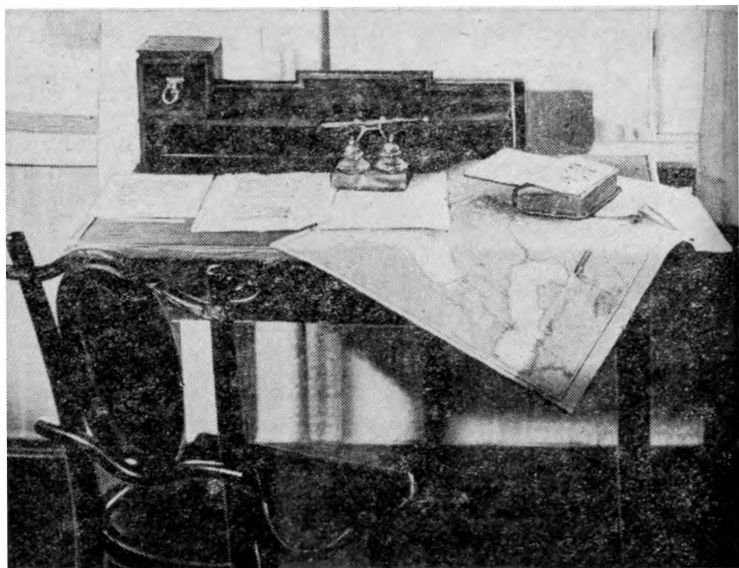
В годы учения в Астраханской гимназии Илюши Ульянова учителями русского языка и географии были Николай Тимофеевич Навродский (до марта 1845 года) и Феликс Густавович Толль (с октября 1845 года по январь 1846 года). Толль впоследствии принимал активное участие в кружке петрашевцев и был приговорен царским судом к каторге. Он пережил весь ужас ожидания смерти. Приговоренных к смертной казни привезли на площадь, привязали к столбам, на головы надели мешки. Забили барабаны, раздалась команда... И только после этого им была объявлена царская «милость» — смертную казнь заменили каторгой.

С января 1846 года и до окончания Ульяновым гимназии русский язык и географию временно преподавали или учителя других предметов, или учителя уездного училища (Древский, Морозов, Фаянсов). Тимофей Иванович Ахтямский преподавал историю. Он часто водил гимназистов на экскурсии в ризницу Успенского собора. Там хранилось много предметов большой исторической ценности. Среди дорогих реликвий были и вещи, связанные с народными восстаниями в Астрахани. Недаром впоследствии в семье Ульяновых проявляли огромный интерес к легендам о Степане Разине и Емельяне Пугачеве.

Но самое большое влияние на Илюшу оказал Александр Васильевич Тимофеев, с которым позднее Ульянов стал вместе учительствовать сначала в Пензе, а затем в Нижнем Новгороде.

Окончив Казанский университет с золотой медалью, Тимофеев преподавал словесность, прекрасно знал русскую литературу, был знаком со многими запрещенными произведениями.

Александр Васильевич Тимофеев не раз выступал с публичными лекциями и речами перед учителями астраханских учебных заведений. Он имел немало научных работ. Например: «О различных направлениях в русской литературе» (1843 г.), «Краткая риторика» (1844 г.), «Диссертация о знаках препинания», «О преподавании русской словесности в гимназиях» (1849 г.).

Уголок гимназиста в доме-музее Ульяновых

С учениками Тимофеев работал кропотливо и вдумчиво. В 1843 году, по отзыву казанского профессора Фойгта: «сочинения учеников Астраханской гимназии вообще довольно удовлетворительные». В 1844 году, по отзыву того же профессора, Астраханская гимназия представила хорошие сочинения. Попечитель объявил «свое удовольствие» за хорошую постановку письменных работ старшему учителю А. В. Тимофееву.

Тимофеев трижды представлял сочинения Ильи Ульянова в Казанский учебный округ. В 1847 году (в 4-м классе) было представлено сочинение на тему «Объяснение некоторых синонимов». Оценка была такова: «Полезное сочинение, но не по силам автора». В 1850 году (в 7-м классе) было представлено сразу два сочинения: «О сатирическом направлении в русской литературе» и «О вдохновении».

Работникам Центрального государственного архива ТАССР удалось отыскать рецензию адъюнкта В. Сбоева на сочинение ученика Астраханской гимназии Улья-

нова И. Н. «О сатирическом направлении в русской литературе», прочитанном на литературной беседе в январе 1850 года. В. Сбоев писал о сочинении: «Тема интересная, но зато весьма обширная и трудная. Удовлетворительного, полного решения от автора и ожидать было невозможно. Изложив теорию сатиры, он высказывает несколько замечаний о древних русских сказках, проследив в них сатирическое направление, распространяется о «Слове Даниила Заточника», считая его сатирой, потом вдруг переходит к Кантемиру, подробно занимаясь изложением его сатиры, дальше говорит о Сумарокове и его сатирах, находит несколько сатирических пьес у Державина и, наконец, рассматривает дух сатиры, как он является не в известной только классической форме ее, но в целом направлении литературы. При этом случае он указывает на замечательнейших (но далеко не всех) писателей, от Фонвизина до Гоголя, в которых преобладает сатирическое направление. Из самого содержания статьи видно, что автор не вполне исчерпал свой предмет. Но при всем том труд его, хотя и не вполне самостоятельный, заслуживает полного одобрения. Изложение у автора правильное, ясное, ровное. Замечаний на статью сделано было много, но их могло бы быть и больше»¹.

Жаль, что это интереснейшее сочинение не дошло до нас. Ведь, прочитанное на литературной беседе, оно вызвало много замечаний и споров. Это и не удивительно. Мысля критически, не попадая под влияние официального литературоведения, Илья Ульянов высказывал суждения, которые могли показаться «не вполне самостоятельными». Интересно, что «Слово Даниила Заточника» официальная печать в середине XIX века никогда не рассматривала как произведение сатирическое. Даже в «Истории русской литературы», изданной в 1908 году, «Слово Даниила Заточника» классифицировалось как памятник древнерусской поэзии, в котором вкраплены элементы «древнейшего проявления русского юмора».

Однако посмотрим сами на элементы этого «юмора». Об авторе «Слова» неизвестно почти ничего, за исключением, что он был заточен на озере Лаче и оттуда написал свое послание князю (Ярославу Владимировичу

¹ ЦГА ТАССР, ф. 92, оп. 1, д. 6433, л. 73 и об.

или Ярославу Всеволодовичу). Из стен сырой темницы молил он князя: «Я, княже, господине, как трава поблеклая, которая растет за стеною: на нее ни солнце не сияет, ни дождь не идет; так и я, княже, всеми обидим, потому что огрожден страхом грозы твоей, как какой-то твердынею. Когда ты веселишься за многими брашнями, вспомни обо мне, ядущем сухой хлеб. Когда пьешь сладкое питье, вспомни обо мне, пьющем воду. Когда лежишь на мягкой постели, под собольими одеялами, вспомни обо мне, под одним полотном лежащем, умирающем и пронзаемом, как бы стрелами в сердце.— дождевыми каплями».

С сарказмом писал автор «Слова» о месте своего заточения: «Кому ты еси Лач-озеро, а мне на нем сидя великий плач». Становится ясно: здесь уже не до юмора. И Илья Ульянов справедливо относит «Слово» к древнейшим памятникам русской сатиры, разоблачающим жестокосердие и алчность власть имущих.

Особенно нравились Ульянову сатирические произведения Антиоха Кантемира. В сочинении он отводит им, по словам В. Сбоева, очень много места.

Остановил свое внимание Илья Ульянов на сатирах Сумарокова, где высмеивались современные щеголи, ханжество, лицемерие царедворцев.

Отметил Ульянов и сатиры поэта Державина, направленные против вельмож, окружающих императрицу Екатерину II. Державин бичевал «изнеженное барство», пренебрежительно относившееся к простонародью, а тем более к людям униженным и оскорбленным.

Как сказано в отзыве адъюнкта Сбоева, Ульянов рассматривал «дух сатиры», как он является не в известной только классической форме ее, но в целом направлении литературы.

Итак, Илья Ульянов справедливо считал, что лучшие представители русской литературы всегда использовали сатиру как грозное оружие против удушающего смрада крепостничества.

Гимназист Ульянов довольно умело писал и сочинения на сложные философско-эстетические темы. Таково его последнее сочинение «О вдохновении». Как точно передавал молодой Ульянов высшее душевное состояние человека!

такою подобными действительности. Например,
эти двоящиеся существа все свои мысли
дружные, согласно со душою. —

Жизненные деления заключаются или
мысли и чувствованиями, которые в
минуту вдохновения только свободные
развиваются, а не разлагаются. Например
иной хочет сдвинуться вдохновенными
посредством самоотверженных средств,
вытискивая возбуждений: гримасеи бьются
близко. —

Вобщем, нет ни одного художествен-
ного произведения без вдохновения.
Это есть основной процессуальный
поэзия и начало искусства. —

Илья Усманов.

Очень хорошие сочинения. Т. Усманов
сознательно рассуждает о предме-
стах, или изобразительно.

Так заканчивается сочинение о вдохновении

«О ВДОХНОВЕНИИ»

Что такое вдохновение? Вдохновение есть состояние
фантазии, в котором душа художника сильно возбужде-
на или, растроганная, не только сильно стремится к ув-

лекающему ее предмету, не только посредством живого воображения подмечает важные его стороны, но чувствует какое-то внутреннее побуждение сообщить свои приобретения другим. Этим-то стремлением к сообщению вдохновение отличается от фантазии, которая только творит, а не проявляется вне, следовательно, недоступна никому. Отчего же зависит вдохновение? От внешних ли каких-нибудь побуждений или единственно от внутренних явлений? Оно зависит сколько от внешних каких-нибудь побуждений, столько и от внутреннего стремления души выразить себя. Вдохновением можно назвать способность, которая в отношении к другим внешним условиям обработки имеет действие подобно врожденному стремлению, ни от чего не зависящему. В этом состоянии художник так пристрастен бывает к избранному предмету, что забывает все постороннее, он живет, он, так сказать, дышит только этим предметом. Укажем последовательность вдохновенного состояния. Сперва художник избирает идеальную сторону предмета, потом фантазия совершенно обрабатывает части этого предмета, наконец все это является от вдохновения в известных формах, то есть выражается или звуком, или образами.

Некоторые говорят, что вдохновение расстраивает прекрасное состояние душевных сил именно внезапными движениями, восклицаниями, слезами и тому подобными действиями. Напротив, это движение сообщает все свои мысли другим, согласно с душою.

Художник должен заpastись мыслями и чувствами, которые в минуту вдохновения только свободнее развиваются, а не рождаются. Напрасно иной хочет сделаться вдохновенным посредством искусственных средств внешних возбуждений: усилие его бывает бесплодно.

Вообще нет ни одного художественного произведения без вдохновения. Это есть основание произведениям поэзии и начала искусства.

Илья Ульянов».

Ниже роспись попечителя Казанского учебного округа: «Очень хорошее сочинение. Г. Ульянов сознательно рассуждает о предмете, им избранном»¹.

¹ ЦГА ТАССР, № 92, арх. 6192, л. 132—133.

В сочинении мы видим логически точные стройные и ясные формулировки. Автор умел хорошо излагать свои мысли, квафилицировать и обобщать факты. Уже в гимназические годы Илюшу неудержимо влек к себе мир прекрасного. Он любил музыку, поэзию, искусство, любил своеобразную природу родного края.

Подмечать вокруг прекрасное и осознанно рассуждать о многочисленных явлениях жизни приучил Ульянова преподаватель географии Густав Толль. С учащимися он обращался просто, по-товарищески. По воскресеньям водил гулять за город, чаще всего в селение Началово (Черепяху), богатое своими виноградниками и садами. Рассказы его по истории и географии были так удивительны, что гимназисты называли его «Гомер», хотя Толль был еще совсем молодой человек с добрым подвижным лицом и ясными серыми глазами.

Нередко гимназисты останавливались на берегу реки Черепяхи и наблюдали, как натужно вытягивали рыбаки невод с живым серебром. Ловцы приглашали молодых людей отведать наваристой ухи. В основном рыбацкие ватаги состояли из киргизов и калмыков. Нужда заставляла степняков наниматься в неводную тягу за самую мизерную плату. Неприхотливые к пище, они выполняли невероятно тяжелую работу, которую русские считали хуже каторжной. По словам Надежды Константиновны Крупской, Илья Николаевич уже в Астрахани видел, как затоптаны были и без того мизерные социальные права «инородцев». Ульянов считал, что только просвещение сможет облегчить положение национальных меньшинств. Надежда Константиновна писала: «Такое отношение Ильи Николаевича к нацменам не могло не повлиять на Ильича, который слушал, что говорил отец, что говорили другие. Владимир Ильич рассказывал мне как-то об отношении симбирских обывателей к нацменам: «Начнут говорить о татарине, скажут презрительно «князь», говорят об еврее — непременно скажут «жид», о поляке — «полячишка», об армянине — «армяшка»¹.

Не только обыватели, но и высокие сановники Астрахани считали национальные меньшинства людьми низ-

¹ Крупская Н. К. О Ленине. Сборник статей и выступлений. М., Политиздат, 1965, с. 32.

Основные жители Астраханской губернии в середине XIX века.
Стоят: казак, киргиз, великоросс (ловец). Сидят: калмык, армянин,
перс, татарин

шего сорта, неспособными к восприятию наук. В Астраханской гимназии, в период обучения в ней Ильи Ульянова, не было ни одного «инородца». Ведь за право обучения в гимназии приходилось платить.

В 1842 году были изданы новые правила о взимании платы за обучение. С учащихся брали по три рубля серебром в год. Эта плата должна была употребляться «на поощрение достойных учителей, на вспоможение бедным и на усиление способов содержания учебных заведений».

Ульянову, как «беднейшему ученику, отличающемуся хорошим поведением, способностями и охотою к учению», такое поощрение было дано дважды: в 1848 и 1849 годах, каждый раз по 25 рублей. Не чувство филантропии или жалости руководило гимназическим начальством и попечителем округа при отборе кандидатов на пособие. Это диктовала необходимость комплек-

тования учебных заведений образованными молодыми людьми, так нужными для государственного аппарата, для гимназий и уездных училищ. При переводе в VI класс Илья Ульянов был награжден похвальным листом и книгою.

В ведомости об успехах учеников Астраханской гимназии, поданной в Казанский учебный округ в 1849 году, от учеников VI класса был представлен только один, имеющий по большинству предметов оценку «пять» — Ульянов Илья»¹.

В доме-музее Ульяновых экспонируются документы учеников мужской гимназии, учившихся в одно время с Ильей Ульяновым. Мы видим изукрашенный затейливой рамкой похвальный лист (подобный же получал и Илья Ульянов), аттестат, билет о прививке оспы, квитанцию на плату за обучение.

А вот задача № 20, которую решал гимназист Иван Николаев: «Некто купил 500 лошадей, заплатив 127 500 руб. Продав оныя, получил 15000 рублей барыша. Узнать, что стоит ему одна лошадь и сколько с всякой получил барыша». Здесь же указанное решение и роспись учителя: «Похвально».

Илюша оправдал надежды, которые возлагал на него брат. Гимназический курс он закончил блестяще. Директор училищ Астраханской губернии (он же директор гимназии) А. П. Аристов писал управляющему Казанским учебным округом:

«Честь имею донести Вашему Превосходительству, что из учеников вверенной мне гимназии окончили курс учения четверо: Иванов Иван, Титов Власий, Ульянов Илья и Мирец-Имшенецкий Николай, но подвергались испытанию и выдержали оное только первые трое, а последний из них по болезни на испытании не был и в настоящее время находится на излечении в больнице Астраханского Приказа Общественного призрения.

Представляя при сем Вашему Превосходительству проекты свидетельства, изготовленные для учеников Иванова, Титова и Ульянова, всеми членами Педагогического Совета засвидетельствованные, вместе с копиею с таблицы окончательного испытания по форме А и с протоколами об испытании со списком учеников по фор-

¹ ЦГА ТАСССР, ф. 92, оп. 1, д. 6074, л. 20, об. 21.

Такой медалью был награжден при выпуске из гимназии Илья Ульянов

ме В, имею честь испрашивать Вашего разрешения о выпуске указанных учеников из гимназии по окончании ими полного гимназического курса учения с выдачей аттестатов, для них проектированных, и с награждением Ульянова серебряной медалью и званием личного почетного гражданина, а Иванова похвальным листом»¹.

Награждение серебряной медалью было утверждено, но в звании личного почетного гражданина Ульянову отказали. Особые права и преимущества почетного гражданина заключались в свободе от рекрутской повинности, от подушного оклада, от телесного наказания, в праве именоваться во всех актах почетным гражданином. В университетах они могли обучаться на казенном содержании (за счет средств городской думы).

Видимо, последнего и хотел добиться Аристов, зная, что Ульянов готовится поступать в Казанский университет.

* * *

19 июля 1850 года был день необыкновенно торжественный для Ильи Ульянова. В этот день на торжественном вечере в гимназии ему вручили свидетельство и серебряную медаль. Как всегда, на выпускном вечере присутствовали именитые люди города: купцы, чиновники, промышленники. Они были несказанно удивлены, что сыну мещанина была вручена медаль. Таких успехов не добивался еще ни один ученик гимназии.

¹ Иванский А. Илья Николаевич Ульянов. М., Госполитиздат, 1963, с. 15.

На белом плотном листе «Свидетельства» полукругом написано: «Казанский учебный округ», а чуть ниже золотом тиснутый двуглавый российский орел со скипетром и державой в лапах. Под орлом четкими крупными буквами напечатано:

«Свидетельство»

Предъявитель сего, Илья Николаев сын, Ульянов, сын астраханского мещанина, имеющий ныне от роду восемнадцать лет, обучался в Астраханской гимназии с 7-го сентября 1843 года по 10-е июня 1850 г., во все время учения своего был поведения отличного и в преподаваемых предметах оказал успехи:

В законе божием, священной и церковной истории — отличные,

русской грамматике и словесности — отличные,

математике — отличные,

физике — отличные,

истории — хорошие,

географии — хорошие,

законоведении — отличные.

В языках:

французском — отличные,

немецком — хорошие,

в рисовании, черчении и чистописании — отличные.

В удостоверении чего, с утверждения г. попечителя Казанского учебного округа от 6 июля 1850 года за № 2875, дано ему, Ульянову, сие свидетельство за надлежащим подписанием и с приложением гимназической печати, но с тем, что ему, Ульянову, происходящему из податного состояния, не представляется тем никаких прав для вступления в гражданскую службу.

Астрахань, июля 19 дня 1850 года.

Директор училищ Аристов

Инспектор гимназии Рафаелев

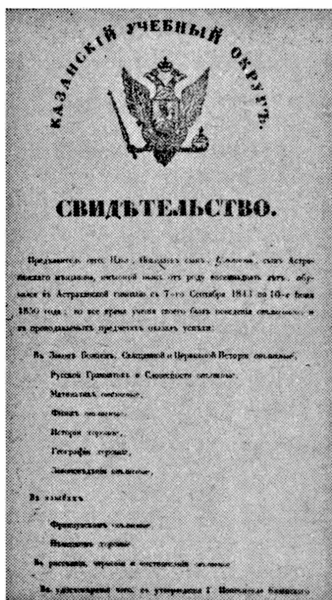
Старший учитель Тимофеев

Старший учитель Рихтер

Старший учитель Дьяконов

Старший учитель Ахтыямский»¹.

¹ ЦГА ТАССР, ф. 277, д. 21131, л. 11. Заверенная копия.

Свидетельство об окончании
И. Н. Ульяновым гимназии

В «Свидетельстве» было написано, что Ульянову не предоставляется никаких прав для вступления в гражданскую службу. Это означало, что он не может рассчитывать на продвижение по служебной лестнице в чиновничьем мире.

Однако Илья Николаевич мог устроиться конторщиком или писарем в любом учреждении Астрахани. Но он не хотел, чтоб вся его жизнь прошла в душной канцелярии, за перепиской нудных деловых бумаг.

Илья Ульянов мечтал о таком деле, которое могло бы хоть в какой-то мере способствовать облегчению участи простого народа. Но прежде всего он хотел получить более высокое образование.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

В университете

В книге Т. Остроумова «Исторический очерк Астраханской 1-й мужской гимназии за время с 1806 по 1914 год» на странице 743-й приведен список учащихся, окончивших гимназию в 1850 году. Среди имен и фамилий выделяется фамилия Ульянова, набранная жирным шрифтом: «**Ульянов Илья**, мещ. 18 лет, на камер-факул. Казанск. унив. **Серебряная медаль**». Вначале Илья Николаевич собирался поступить на юридический факультет. Был составлен список учеников VII-го класса с указанием, куда они желают поступить после окончания гимназического курса. Почти все одноклас-

сники Ульянова желали работать «по учебной части». То есть они желали стать учителями в низших школах и училищах. И только Ульянов пожелал поступить в «Казанский университет по юридическому факультету, на казенном содержании»¹.

Как видно из записи, приведенной в книге Остроумова, Илья Николаевич собирался изучать в университете камеральные науки. С 1843 года в Казанском университете был создан особый разряд юридического факультета под названием «камерального». Назначение его состояло «в приготовлении людей, способных к службе хозяйственной или административной». По этому разряду изучались как юридические, так и историко-филологические науки.

Видимо, Ульянов больше тяготел не к судебной деятельности, а к административной и хозяйственной службе.

Прибыв в Казань, он меняет решение. Лучшие силы профессоров и преподавателей были на физико-математическом факультете. А большинство выпускников физико-математического факультета, как известно, становились преподавателями.

Но прежде чем Ульянов был зачислен студентом университета, ему очень долго пришлось хлопотать, чтобы его выписали из податного сословия в Астрахани и предоставили увольнительное свидетельство с обязательством от мещанского общества принять на себя платеж и отправление рекрутской повинности. Немало пообивала пороги присутственных мест и мать Ильи Ульянова Анна Алексеевна. Видя недоброжелательное отношение к решению сына со стороны астраханского головы Кафтаникова и гласных думы, Ульянова дала подписку, что «платеж за мещанина Илью Ульянова податей и прочих повинностей впредь до исключения его из мещанского общества обязалась производить бездомочно мать Ульянова вдова мещанка Анна Алексеевна»².

Однако городская дума требовала, чтоб мещанское общество взяло платеж податей на себя. Городской голова не надеялся, что Анна Алексеевна сможет своев-

¹ ЦГА ТАССР, ф. 92, оп. 1, д. 6318, л. 58, об. 59.

² ГААО, ф. 480, оп. 1, д. 1323, л. 92.

ременно платить за сына подати. Да и больна очень. Умрет Ульянова, с кого тогда спрос?

Началась переписка между городской думой и астраханским мещанским обществом.

Наконец астраханская городская дума выдала Илье Ульянову отпускное свидетельство, но вместе с тем сообщила, что он может считаться уволенным лишь до новой переписи лиц «податного сословия». Администрацию университета это не удовлетворяло, и зачисление Ильи Николаевича в университет состоялось 30 сентября 1850 года лишь условно. Переписка между астраханской думой и Казанским университетом по этому поводу длилась многие месяцы. Лишь 3 февраля 1851 года Илья Ульянов был утвержден в числе студентов. Но брат продолжал платить за Илью подати в мещанское общество. Так, в очередном рекрутском списке мещан г. Астрахани, «отправляющих рекрутскую повинность натурою» в 1851 году, на странице 290-й значится «Василий Николаев Ульянов, его брат Илья»¹.

Платил эту повинность Василий Николаевич до самого конца учебы Илюши. В рекрутском списке 1854 года записаны Василий и Илья. Хотя и есть приписка: «Василия Ульянова брат Илья уволен обществом в 1850 году в Императорский Казанский университет для обучения наук, где и теперь находится»².

Немало пришлось хлопотать и директору Астраханской гимназии, чтоб Ульянова приняли в университет на казенный счет. А. П. Аристов писал в мае 1850 года управляющему Казанским учебным округом:

«Ученик вверенной гимназии, оканчивающий нынешний год курс гимназического учения с весьма хорошими познаниями наук; при отличном поведении, сын астраханского мещанина Илья Ульянов просит моего ходатайства о помещении его на одну из стипендий Астраханского при гимназии пансиона в Казанский университет, для дальнейшего образования.»

Ученик Ульянов с самого начала поступления своего в гимназию по окончании полного курса в уездном училище в 1843 году в каждом классе гимназии обучался при хороших способностях с весьма хорошими успеха-

¹ ГААО, ф. 545, оп. 1, д. 501, л. 289 об.

² Там же, оп. 2, д. 27, л. 195, 194 об.

ми, при отличном поведении и ежегодно был переводим в высшие классы с похвалою и теперь оканчивает курс гимназического учения с весьма хорошими познаниями всех предметов; но очень недостаточное состояние родного его брата, его воспитывающего, преграждает этому даровитому мальчику путь к дальнейшему образованию умственных способностей в университете; он совершенно беден и круглый сирота.

Принимая участие в судьбе Ульянова и желая со своей стороны подать способы к усовершенствованию его способностей и познаний, я осмеливаюсь покорнейше просить Ваше Превосходительство, если можно будет, о помещении ученика Ульянова стипендиатом в Казанский университет...»¹

Но все было тщетно.

«Податное состояние» затруднило ему получение стипендии при поступлении в университет. На ходатайство директора Астраханской гимназии последовал ответ попечителя Казанского учебного округа, в котором указывалось, что стипендии имеют целью «облегчить лишь чиновникам способы к воспитанию детей. Но для приема Ульянова, принадлежащего к мещанскому сословию, в число стипендиатов нет достаточного основания»².

Но не таков был Илья Ульянов, чтоб это решение «попечителя» могло его остановить, заставить отказаться от учебы в университете. Что ж, если нет стипендии, он перейдет на свой кошт. 5 августа 1850 года Ульянов подает прошение на имя ректора университета И. М. Симонова:

«Желая для окончательного своего образования выслушать полный курс наук в Императорском Казанском университете по математическому факультету, осмеливаюсь утруждать Ваше Превосходительство покорнейшей просьбою о принятии меня в число своекоштных студентов, по выдержанию мною установленного для поступления в университет экзамена»³.

Ректор Иван Михайлович Симонов был человеком суровым, но справедливым. Это был в буквальном

¹ ИМЛ, ф. 11, оп. 1, д. 2, л. 1.

² Ульянова М. Отец Владимира Ильича Ленина — Илья Николаевич Ульянов (1813—1886), с. 10.

³ ИМЛ, ф. 11, оп. 1, д. 4, л. 1.

Иван Михайлович Симонов

смысле выходец из народа, которому только выдающиеся способности открыли путь к научной деятельности. Уже в возрасте 22 лет он был избран профессором астрономии. Принимал участие в кругосветном плавании Ф. Ф. Беллинсгаузена и М. П. Лазарева на шлюпах «Мирный» и «Восток». Экспедиция открыла множество островов в Тихом океане и материк Антарктиду — новую часть света. Все эти земли были нанесены на карты, на основании астрономических определений Симонова. Большую известность приобрели исследования Симонова по земному

магнетизму. С 1846 года Иван Михайлович стал ректором Казанского университета.

Прочитав прошение Ильи Ульянова, Симонов дал крепя сердце указание о зачислении упрямого астраханца на свой кошт. Ректор знал, что не многие «своекоштные» осиливали до конца университетский курс.

Но Илья Николаевич сдал экзамены блестяще и сразу же стал подыскивать себе работу домашнего учителя, чтобы частными уроками добывать средства к жизни.

Несомненно, большую помощь оказывал Илье Николаевичу и брат Василий. При всяком удобном случае Василий Николаевич посылал в Казань посылки и деньги, с нетерпением ожидал вестей от студента — как-то там Илье в чужом городе?

А Илья Николаевич с головою ушел в учебу, обзавелся друзьями. В большинстве на физико-математическом факультете училась молодежь из низов, люди знающие, самоотверженные. Они обычно отличались скромностью. Волосы на голове стригли сами, носили мундиры из дешевого светло-зеленого сукна. Часто студенты собирались на вечеринки. Только там можно было погово-

рить откровенно, отвести душу. Ведь в университете царила атмосфера доносов и слежки. После подавления революции 1848 года в Европе реакция захлестнула и Россию. В 1849 году в университете было получено постановление, где говорилось: «Ректоры и деканы будут тщательно отсекают в рассматриваемых ими программах и запрещать в устном преподавании с кафедр все, что может даже косвенно содействовать к распространению у нас разрушительных начал сенсимонизма, фурьеризма, социализма и коммунизма или служить им некоторой опорой»¹.

Именно к тому периоду относится сетование профессора Грановского на то, что положение в университетских кругах становилось невыносимее день ото дня, когда всякое прогрессивное движение на Западе отзывалось в России стеснительными мерами, когда доносы шли тысячами.

В Казанском университете среди научно-технических дисциплин видное место занимала математика. Резко возросла необходимость ее использования при решении практических задач, выдвигавшихся техникой и естествознанием. Кумиром казанских студентов был Николай Иванович Лобачевский (1793—1856), знаменитый математик, создатель неевклидовой геометрии, мыслитель и материалист. Лучшие годы его научного творчества связаны с Казанским университетом, где он был попеременно магистром, профессором с 25-летнего возраста, деканом факультета и ректором. Кроме того, Лобачевский руководил организацией народного образования в Казанском учебном округе вначале как член училищного совета, а последние десять лет жизни как помощник попечителя округа.

Стараниями Лобачевского в 1839—1844 годы были созданы обсерватория, библиотека, анатомический театр, физический кабинет и химическая лаборатория, построена университетская клиника, ботанический сад. Во дворе университета в 1846 году был воздвигнут памятник поэту Державину. Бронзовая статуя была установлена на высоком гранитном постаменте, на ступенях которого любил отдыхать Лобачевский.

¹ Исторический вестник. Николаевская цензура, 1901, дек.

Последние годы тяжело больной математик с трудом выполнял обязанности попечителя. Особенно его угнетала цензура, постоянные циркуляры и ограничительные распоряжения. Даже в период каникул, когда студенты разъезжались домой, за ними устанавливался надзор по месту жительства. Не избегал этого и Илья Ульянов. В 1853 году ему был выдан отпускной билет, где говорилось: «Предъявитель сего, студент физико-математического факультета 4-го курса Илья Ульянов, состоящий в ведомстве императорского Казанского университета, уволен от нижеписанного числа (то есть с 20 июня 1853 года) в г. Астрахань по 22 июля 1853 года. В удостоверение чего и дан ему, г. Ульянову, сей билет для свободного проезда за надлежащими подписями и с приложением казенной печати. Казань, 20 июня 1853 года, № 249».

Отпускной билет подписал инспектор студентов. В примечании к билету сказано: «Уволенный Ульянов, на основании § 18 инструкции студентов императорского Казанского университета, обязан явиться в губернских городах к директору училищ и почетным попечителям, а в уездных городах — к уездным предводителям или градоначальникам и, получив от них при отъезде свидетельство о своем поведении, по возвращении предъявляет оное вместе с билетом инспектору студентов или исполняющему его должность».

Возвратившись в Казань, Илья Ульянов предъявил инспектору скрепленное подписью и печатью директора училищ Астраханской губернии свидетельство, удостоверяющее, что он «во время пребывания в г. Астрахани вел себя отлично»¹.

* * *

До нас дошел лишь один отпускной билет Ильи Ульянова, но можно предположить, что он ежегодно приезжал в Астрахань на каникулы. Ведь это было единственной возможностью укрепить свое здоровье, повидаться с близкими и друзьями.

Илья Ульянов учился на редкие, скудные заработки репетитора.

¹ И в а н с к и й А. Илья Николаевич Ульянов, с. 36—37.

И все же в 1854 году Ульянов закончил университет, получив степень кандидата математических наук за предоставленную им письменную работу на тему «О способе Ольберса и его применение к определению орбиты кометы Клинкерфюса». Вот какую оценку получила работа сына бывшего крепостного крестьянина:

«Сочинение студента 4-го курса г-на Ульянова представляет полное изложение способа Ольберса для вычисления параболической орбиты кометы с дополнениями Энке и Гаусса. Применение этого способа

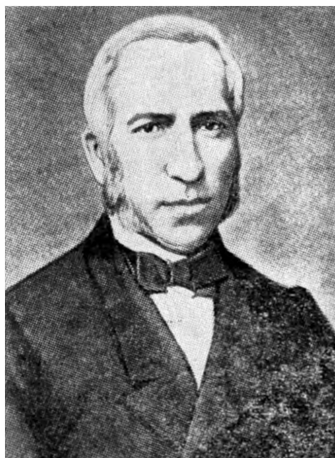
к вычислению элементов кометы, виденной простым глазом в прошлом году, и согласно результатов г-на Ульянова с результатами, опубликованными в «Astr Nachr», показывает, что г-н Ульянов постиг сущность астрономических наблюдений, которые, как известно, весьма часто требуют особых соображений и приемов. Это сочинение я считаю вполне соответствующим степени кандидата математических наук.

*Профессор астрономии М. Ковальский
Казань, 14 мая 1854 года»¹.*

Однако кандидат математических наук Ульянов все еще числился в официальных бумагах мещанином.

Тогда Совет Казанского университета потребовал от попечителя Казанским учебным округом, чтоб Илья Николаевич был исключен из сословия мещан.

Последовала переписка с Астраханским мещанским обществом. Наконец, Астраханская казенная палата определила: «Астраханского мещанина Илью Николаевича Ульянова, окончившего в Казанском университете

М. А. Ковальский, профессор астрономии

¹ Федоренко Б. В. Материалы к биографии И. Н. Ульянова. «Исторический архив», 1958, № 2, с. 28.

курс наук и уволенного обществом с обязательством платить за него все подати и повинности до 10-й ревизии, исключить из астраханских мещан с начала будущего 1855 года и о том предписать городской думе и уездному казначейству»¹.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Астраханские родственники и друзья

После окончания университета, в мае 1855 года Илья Николаевич Ульянов был назначен старшим преподавателем математики и физики в Пензенский дворянский институт. В Пензе он жил на квартире у своего близкого друга — учителя В. И. Захарова, у которого в то время проживали также воспитанники Пензенской гимназии Н. А. Ишутин и Д. В. Каракозов — будущие организаторы революционных кружков.

Увлеченный работой, новыми друзьями, Илья Николаевич не забывал о матери, брате и сестрах. Почти каждый год, во время отпуска, он спешил в родную Астрахань. И в каждый приезд он подмечал черточки нового. Город рос, ширились дубовые причалы, пристанские склады, появлялись новые купеческие особняки, во множестве лепились по берегу Кривуши мазанки ремесленников, матросов, грузчиков. Некоторые сверстники Ульянова, закончив учебу, служили в купеческих конторах, строили корабли, плавали в море. Многие обзаводились семьями.

Так, будучи в Астрахани летом 1859 года, Илья Ульянов присутствовал на свадьбе давнего друга, сына своего крестного отца Ливанова. Одногодок Ильи Николаевича, Павел Николаевич Ливанов был служащим в Астраханском провиантском комитете. Невеста — девятнадцатилетняя Капитолина — дочь умершего коллежского регистратора Василия Петровича Ключева.

¹ ИМЛ, ф. 11, оп. 1, д. 6, л. 5.

При венчании поручителями были: «По жениху: отец его родной протоирей Николай Агафонович Ливанов и воспитанник Астраханской гимназии Федор Федорович Ливанов. По невесте: учитель Астраханского духовного училища студент Уар Григорьев Покровский и старший учитель Дворянского института Илья Николаевич Ульянов»¹.

Интересна последующая судьба тех людей, кто был вместе с Ильей Николаевичем Ульяновым на свадьбе Павла Ливанова. Гимназист Федор Ливанов стал преподавателем математики в Астраханском реальном училище. Уар Григорьевич Покровский (сосед Ульяновых) порвал с духовным ведомством и поступил урядником в казачий полк. В чине хорунжего ушел в отставку, но во время русско-турецкой войны 1877—1878 годов вновь зачислен на службу в тот же полк. В его послужном списке есть запись: «За отличие в делах против турок 18 сентября 1877 года произведен в сотники. За мужество и храбрость в делах при г. Плевене 21 ноября 1877 г. пожалован орденом Станислава 3-й ст. с мечами и бантом, 23 января 1878 г. за отличие при взятии Ловчи награжден орденом Анны 3-й степени с мечами и бантом, а 19 мая того же года за отличие при Горном-Дубняке и Телише орденом Станислава 2-й степени с мечами. 2 мая 1882 г. уволен в отставку по домашним обстоятельствам» (Астраханские епархиальные ведомости, 1903, № 22). Несомненно, о героической одиссее Уара Покровского знал Илья Ульянов, который сам горячо сочувствовал болгарам.

Но летом 1859 года Илья Николаевич вместе с Уаром Покровским и другими друзьями весело пировал

Илья Николаевич Ульянов после окончания университета

¹ ГААО, ф. 630, оп. 1, д. 19, л. 115.

на свадьбе в Астрахани. А через четыре года обзавелся семьей и Илья Николаевич.

Весной 1863 года Илья Николаевич сообщил родным в Астрахань о помолвке с Машенькой, что его будущая жена — дочь бывшего медицинского инспектора Александра Дмитриевича Бланка, что теперь Александр Дмитриевич в отставке, живет в небольшом имении под Казанью, что Машенька готовится к экзаменам на домашнюю учительницу...

В Астрахани засустились, на последние деньги купили жениху и невесте подарки, послали в Пензу черной икры и балыков. Василий Николаевич приглашал Илью с женой погостить в Астрахани, навестить мать.

Илья Николаевич смог совершить поездку в родной город лишь через три года. Когда в Дворянском институте началась травля передовых учителей, он решил покинуть его стены.

В 1863 году Илья Николаевич обратился к своему бывшему учителю (Астраханской гимназии) Тимофееву, который к тому времени был директором училищ в Нижнем Новгороде. Тимофеев помог Ульянову переехать в Нижний Новгород. Илья Николаевич стал работать в губернской мужской гимназии.

В марте 1866 года у Ильи Николаевича родился сын Александр. Крестным отцом Александра стал учитель Нижегородской гимназии Михаил Павлович Мальцев. И это не случайно. Мальцев был астраханец, учился в Астраханской гимназии. (Кстати, в 1900 году в Астраханской гимназии была учреждена стипендия им. Михаила Павловича Мальцева и его отца Павла Петровича Мальцева — бывшего советника губернского правления.)

Таким образом, среди преподавателей Нижегородской гимназии оказались сразу три астраханца: Тимофеев, Ульянов, Мальцев. Многосторонняя педагогическая деятельность в реформированных средних школах большого города целиком захватила Илью Николаевича. Молодой учитель вел по воскресным дням дополнительные бесплатные занятия с отстающими учениками.

Сильные перегрузки сказались на здоровье Ульянова. Врачи посоветовали ему отдохнуть.

4 апреля 1866 года Илья Николаевич подал прошение на имя директора Нижегородской губернской гимназии. В прошении говорилось: «Желая воспользовать-

ся вакационным временем для поправления своего здоровья, покорнейше прошу Ваше Высочородие уволить меня в отпуск в Астраханскую губернию.

Учитель И. Ульянов»¹.

Ему хотелось домой, к близким людям в низовье великой реки.

Возможно, для отъезда в Астрахань была и другая причина. Весной 1866 года начались аресты по каракозовскому делу. На запрос следственных властей жандармский штаб-офицер характеризовал близкого друга Ильи Николаевича В. И. Захарова как «человека, в высшей степени вредно влиявшего на учеников политически».

Фамилия И. Н. Ульянова также упоминалась во время следствия по каракозовскому делу. Член ишутинского кружка Н. П. Странден, арестованный 14 апреля 1866 года и заключенный в Петропавловскую крепость, до этого приезжал в Нижний из Пензы, чтобы сдать экзамен за гимназический курс. На вопрос следствия о его знакомых в Нижнем он ответил: «Кроме родственника Васильева и бывших моих учителей Ульянова и Ауновского, знакомых я там не имел». В эти тревожные дни Илья Николаевич решил быть подальше от глаз начальства. По всей вероятности, это и заставило Ульянова проситься в отпуск на родину. К тому же где еще лучше мог он отдохнуть, как не в кругу родных, в Астрахани.

А. Анисенкова и Д. Балик в книге «И. Н. Ульянов в Нижнем Новгороде» пишут: «Но не связан ли с показаниями Страндена тот факт, что во время летних каникул 1866 года директор гимназии разрешил Ульянову отъезд не на юг, куда Илья Николаевич собирался от-

Илья Николаевич в 70-е годы

¹ ГАГО, ф. 505, оп. 407, д. 1172, л. 2.

Мария Александровна Ульянова

правиться, чтобы «поправить здоровье», а только в Казанскую губернию?»¹

В 1867 году Ульянов подает новое прошение директору гимназии, чтоб ему дали отпуск в город Астрахань, на этот раз навестить больную мать.

А еще через год или два Илья Николаевич отправил погостить к родственникам свою жену Марию Александровну с детьми Аней и Сашей.

Впоследствии Анна Ильинична Ульянова-Елизарова писала об этом: «Помню поездку на пароходе, нас двоих старших с матерью из

Нижнего в Астрахань, к родным отца. Это было ранней весной, с первыми пароходами, когда мы были в возрасте 3—4 лет. Смутно припоминаю маленький домик, старую бабушку и дядю: припоминаю, что с нами возились как с желанными гостями и, как мать находила, баловали нас чересчур. К этим родным мы ездили только раз...»²

В Нижнем Новгороде Илья Николаевич работал около шести лет. Но постепенно труд преподавателя гимназии перестает удовлетворять Ульянова. Он стремится стать ближе к крестьянству, к нуждам обездоленных, мечтает с помощью просвещения разбудить народ к лучшей жизни.

Осенью 1869 года Илья Николаевич покидает Нижний Новгород и переходит на должность инспектора народных училищ Симбирской губернии.

В конце апреля 1870 года из Симбирска в Астрахань пришло известие, что у Илья Николаевича 10 апреля родился сын. Нарекли сына Владимиром.

¹ Анисенкова А., Балик Д. И. Н. Ульянов в Нижнем Новгороде. Горький, 1969, с. 66—67.

² Ивановский А. Илья Николаевич Ульянов, с. 64.

Старой Алексеевне очень хотелось повидать новорожденного, попестовать внука. Но этому не суждено было сбыться.

Через полтора года Анны Алексеевны не стало.

В 1961 году в Астраханском государственном архиве была обнаружена метрическая книга астраханской Гостино-Николаевской церкви. Там под № 111 имеется такая запись: «Вдова, астраханская мещанка Анна Алексеевна Ульянова. Дата смерти — 26 октября 1871 года. Возраст — 83 года. Причина смерти — от древности»¹.

Запись подписали протоиерей Николай Ливанов и дьякон Михаил Рувимов. Анну Алексеевну похоронили на четвертый день. Возможно, ждали приезда Ильи Ульянова? Но вряд ли смог бы он приехать в это время. Навигация на Волге уже кончилась.

Через шесть лет семью Ульяновых постигла новая утрата — умерла сестра Ильи Николаевича — Мария Николаевна Горшкова. А еще через год скончался брат Ильи Николаевича, которому он многим был обязан. Запись под № 22 гласит: «Астраханский мещанин Василий Николаевич Ульянов. Дата смерти 12 апреля 1878 года, погребения 14 апреля 1878 года. Возраст — 55 лет. Умер от чахотки»².

Василий Ульянов был похоронен на астраханском Духосошестввенском кладбище. На том же кладбище находился и склеп семьи Смирновых.

Анна Ильинична Ульянова-Елизарова писала в 1926 году: «Василий Николаевич умер в 1878 году. На астраханском кладбище до сих пор сохранился памятник, сооруженный на могиле сослуживцами, среди которых он оставил по себе добрую память. Мария Николаевна умерла раньше, и из родных отца я помню только Федосью Николаевну, младшую его сестру, добрую женщину, небольшого роста, с черным платком на голове, которая приезжала как-то к нам в Симбирск и которую отец, а после смерти мать, поддерживали, посылая деньги»³.

¹ ГААО, ф. 630, оп. 1, д. 13, л. 426 об.

² Там же, д. 14, л. 473, об. 474.

³ Ульянова-Елизарова А. И. Воспоминания об Ильиниче. — В альманахе: «Новая Москва», 1926, с. 3—4.

Как писал в своих заметках П. И. Усачев:

«Когда Василий Николаевич умер, то фирма Сапожниковых на склепе Ульяновых соорудила памятник. Памятник этот, хотя и сохранился, но весь разбит. На нем есть надпись, по которой можно установить, что памятник специально поставлен ему»¹.

На могильном камне была высечена следующая надпись: «Здесь покоится прах астраханского мещанина Василий Николаевича Ульянова, скончавшегося 12 апреля в 4 часа пополудни 1878 года. Жития ему было 60 лет».

Здесь мы видим расхождение в датах. В метрической книге, где зарегистрирована смерть Василия Николаевича, записано, что он умер 55 лет, а на памятнике надпись гласит, что смерть наступила, когда ему было 60 лет.

Такое же несоответствие есть и в годах жизни Анны Алексеевны Ульяновой. В метрической книге записано, что она умерла в возрасте 83 лет, а на могильном камне-плите высечены слова: «Анна Алексеевна Ульянова скончалась 28 октября 1871 года, от роду 87 лет».

Нужно полагать, что записи в метрической книге вернее, так как проводились тотчас после похорон, а надгробные плиты устанавливались много позднее.

После смерти матери, сестры и брата у Ильи Николаевича в Астрахани оставалось немало родственников. Всю свою жизнь прожили в низовом городе тетки Владимира Ильича из рода Ульяновых. Старшая из них Мария Николаевна была замужем за астраханским мещанином Николаем Захаровичем Горшковым и скончалась в 1877 году. А их сын Степан Николаевич Горшков, двоюродный брат Владимира Ильича, жил и работал в Астрахани до 1921 года. Другая тетка Леница — Федосья Николаевна Ульянова прожила большую часть жизни с матерью и братом Василием. Она умерла в 1908 году. Многие годы жила в семье Ульяновых и сестра Анны Алексеевны Татьяна Алексеевна, которую Василий Николаевич называл «крестной».

Весной 1916 года мать Ленина Мария Александровна Ульянова, немного оправившись от болезни, писала

¹ Из личного архива П. И. Усачева. Архив Астраханского обкома КПСС.

из Петрограда в Москву своей дочери Марии Ильиничне, чтобы она готовилась к поездке по Волге. Мария Александровна сообщала, что муж Анны Ильиничны Марк Тимофеевич Елизаров получил новую работу, часто будет ездить по Волге и имеет возможность достать бесплатные билеты первого класса. Мария Александровна писала:

«Я первая воспользуюсь этим с радостью, чувствуя себя особенно хорошо на Волге, поправлюсь после болезни моей, поедем и ты с нами, дорогой можно заехать куда надумаем, заедем и в Симбирск, на папину Родину, там остались еще кое-кто из родных его»¹.

Мария Александровна думала еще раз навестить родину Ильи Николаевича — Астрахань и повидать его родственников Горшковых.

Но этим планам не суждено было сбыться. Наступило новое обострение болезни, и 12 июля 1916 года Марии Александровны не стало.

Но возможностью побывать в Астрахани воспользовалась Анна Ильинична, только что освободившаяся из тюрьмы. Владимир Ильич Ленин писал из Цюриха Марии Ильиничне: «Дорогая Маняша! Только что отправил на адрес Марка Тимофеевича заказную открытку, как пришли от тебя книги (роман в 2-х тт.) и затем открытка с известием, что вы на днях ждете Анюту. Большое спасибо за книги. Ужасно рад вести про Анюту. Очень большой привет ей и пожелание не долго пробыть в Астраханской губ. и быть там осторожнее, не заболеть в непривычно жарком климате»².

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Первый биограф Ульяновых

Много усилий приложил в свое время заведующий Астраханским городским архивным бюро П. И. Усачев, разыскивая документы, отражающие жизнь родных Владимира Ильича, проживающих в Астрахани. Вел он

¹ Переписка семьи Ульяновых. 1883—1917. М., изд-во политической литературы. 1969, с. 413.

² Ленин В. И. Письмо М. И. Ульяновой. 26 ноября 1916 г.— Полн. собр. соч., т. 55, с. 366—367.

и беседы со старожилками, которые знали семью Ульяновых. О поисках неутомимого исследователя стоит поговорить подробнее.

Родился Петр Иванович в 1890 году в семье астраханского рабочего-бондаря. Детство было трудное. Пришлось поработать на побегушках у многих астраханских промышленников. Только поднялся на ноги — грянула мировая война. Вслась нанюхался порошу на австрийском фронте. В конце 1917 года вернулся в Астрахань уже повидавшим виды солдатом. Он был так большевистски настроен, что в мае 1918 года ему без колебаний дали рекомендацию в партию старые подпольщики рабочие Ф. А. Трофимов, К. В. Сивков, С. З. Жадаев. В августе 1918 года, когда в Астрахани вспыхнул белогвардейский мятеж, Усачев был членом Временного военно-революционного комитета. В апреле 1919 года Петр Иванович стал работать в политотделе 11-й армии в качестве агитатора-организатора. Вокруг Астрахани все ту же стягивалось кольцо вражеской блокады. Все новые и новые отряды бойцов уходили на защиту города. В городском райкоме Усачев провел мобилизацию коммунистов и комсомольцев на 8-е пехотные курсы комсостава. Вместе с курсантами добровольно ушел на фронт. Жестокие бои с белой конницей под Михайловкой и Яндыками. Кровью пропитались пески у станции Шунгай. У Владимировки пулеметный расчет, где находился Усачев, накрыл белогвардейский снаряд. Два дня Петр Иванович не приходил в сознание, около месяца ничего не слышал. Но выжил и вернулся в строй. В октябре 1919 года был назначен в оперативный отдел 11-й армии. В конце 1920 года отправился в Персию. Вскоре был назначен заместителем редактора газеты «Красный Иран»...

В 1922 году вернулся в Астрахань и был послан на учебу в комвуз. Отец Усачева, Иван Максимович, был неграмотным, каракулями выводил фамилию и цифирь. Никогда не думал, что его сын будет учиться в Москве, в одном из лучших вузов страны, получит высшее образование.

В 1925 году Усачев окончил институт журналистики и вскоре был назначен заведующим Астраханским окружным архивным бюро, одновременно являлся уполномоченным по испарту ОК ВКП(б).

С 1925 года Усачев приступил к поискам материалов о жизни Ульяновых в Астрахани. Прежде всего он скупал, где только можно, краеведческую литературу. Так, книгу Тихона Остроумова «Исторический очерк Астраханской 1-ой мужской гимназии», где упоминается ученик гимназии Илюша Ульянов, Усачев купил у букиниста. Труднее было с отбором документов. Архивные фонды были не разобраны, в архивах хаос, многие материалы считались утерянными. И все же Усачев ведет поиск. После работы он часами просиживал в пыльных, полутемных подвалах, которые зимой никогда не отапливались. Просматривал кипы бумаг, груды старых ревизских сказок, журналы записей мастеров Ремесленной управы...

Наконец, первые находки! В 1929 году Петр Иванович послал в Институт Ленина рукопись очерка об Илье Николаевиче. Эта рукопись заинтересовала Марию Ильиничну Ульянову. Она прислала Усачеву письмо:

«Уважаемый товарищ!

Обращаюсь к Вам с просьбой: не будете ли добры сообщить, на основании каких данных Вы пишете в своей работе об И. Н. Ульянове, присланной Вами в Институт Ленина, что отец его, Ник. Вас., «был портным». Попросила бы также прислать фотографию того домика, где Илья Николаевич родился (Вы пишете, что он цел), а также, если возможно, «Очерк» Остроумова, который я Вам верну по просмотре.

Буду очень благодарна за выполнение, возможно незамедлительно, этой моей просьбы.

С т. приветом М. Ульянова.

Адрес мой: Москва, Кремль, б/кв. Ленина¹.

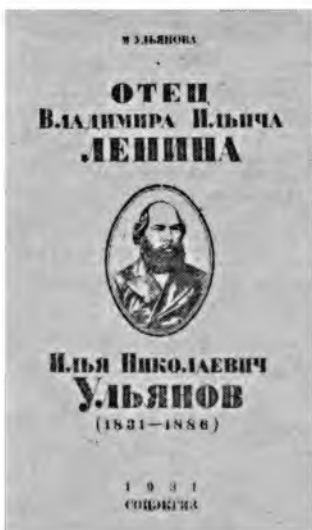
Усачев постарался дать подробный ответ.

10 сентября 1930 года Мария Ильинична обрадованно писала Усачеву:

«Получила Ваше письмо и книгу, а вчера и снимки. Большое спасибо Вам. Книгу постараюсь скоро возвратить...»

Однако Мария Ильинична задержала книгу дольше, чем думала. 23 февраля 1931 года она сообщила Петру Ивановичу: «К сожалению, мне не удалось выпол-

¹ Архив Астраханского обкома КПСС.

Обложка книги, подаренной
П. И. Усачеву М. И. Ульяно-
вой

Ильиничне. Она заканчивала работу о своем отце. Эта книга «Отец Владимира Ильича Ленина — Илья Николаевич Ульянов» была издана в 1931 году. В предисловии к книге Мария Ильинична писала: «Сколько-нибудь полной биографии Ильи Николаевича Ульянова нет еще до сих пор. Между тем, характеристика отца Владимира Ильича имеет значение не только для научной биографии В. И. Ленина... Илья Николаевич и сам по себе был незаурядной личностью для того времени, в которое жил и работал. Это был один из пионеров в деле начального образования, его неутомимым деятелем в течение не одного десятка лет...»

Главу о детских и гимназических годах И. Н. Ульянова Мария Ильинична писала, используя материалы Астраханского архива. Также были помещены две фотографии, которые прислал Усачев. Это вид домика семьи Ульяновых и портрет Василия Николаевича.

Прислала Мария Ильинична Усачеву и свою книгу. В письме она писала: «Посылаю Вам книгу об И. Н.-че

нить своего обещания и вернуть Вам книгу через 2—3 недели, как я Вам писала. Уехав на этот срок из Москвы, я дорогой простудилась и затем пролежала более трех месяцев с воспалением легких. Благодарю Вас за предложение задержать книгу еще на более долгий срок, но она мне более не нужна, и я с благодарностью возвращаю Вам ее.

Если у Вас будут еще какие-либо дополнительные сведения об отце, надеюсь, не откажете поделиться ими со мной.

Желаю Вам всего хорошего и шлю привет.

М. Ульянова».

Да, эта книга и материалы, собранные Усачевым, были крайне нужны Марии

с благодарностью за помощь, кот. Вы мне оказывали... Как обстоит дело с разбором Астраханского архива? Если у Вас будут еще какие-либо книги или материалы, имеющие отношение к И. Н.—поделитесь, пож., со мной».

П. Усачев продолжал с еще большим упорством собирать сведения о семье Ульяновых. Начал он с опроса старожилов.

По рассказу Марии Андреевны Трапезниковой (мать Трапезниковой Семечкина имела недалеко от дома Ульяновых и от дома Горшковых на Косе свой дом), как она помнит, по словам Федосьи Николаевны, отец ее — Николай Васильевич — умер очень старым, дряхлым. Трапезникова хорошо помнила Василия Николаевича. По ее словам, это был человек тихий, скромный, небольшого роста, худенький. Он с юношеских лет начал служить у купцов-рыбопромышленников.

Мария Андреевна Трапезникова была дружна с Федосьей Николаевной Ульяновой. Трапезникова рассказала о последних годах жизни Федосьи Николаевны: «После смерти Василия Федосья перешла жить к Горшковым и дожила век у племянника Степана Николаевича Горшкова. Вся ее жизнь протекала между церковью и родными. Умерла в 1908 году, восьмидесяти пяти лет. Все, что от нее осталось: шкатулка, подаренная братом Ильей Николаевичем, документы, фотографии — все это было передано Горшковым. Похоронили ее в семейном склепе Ульяновых. Когда рыли могилу, то в склепе было еще много сохранившихся гробов, так что гроб с телом Федосьи Николаевны поставили туда с трудом. Я лично помню, что там должен быть еще похоронен и Николай Захарович Горшков — муж Марии Николаевны. Ее сын, Степан Николаевич Горшков (двоюродный брат Владимира Ильича), всегда заботился о могиле-склепе Ульяновых».

Агриппина Ильинична Горшкова (вторая жена Степана Николаевича Горшкова) сообщила, что Василий Николаевич служил у купца Алабова, а большую часть жизни служил у Сапожниковых. Когда Василий Ульянов тяжело заболел, фирма Сапожниковых платила ему небольшую пенсию.

Собранные П. И. Усачевым материалы частично использовала в 1937 году и писательница Мариэтта Сер-

Е. И. Лисина

геевна Шагинян. В своем очерке «Предки Ленина» писательница назвала Усачева добросовестным архивным работником. Это к нему с полным правом относятся слова о том, что среди архивных работников есть энтузиасты не хуже любых советских энтузиастов других профессий. Они чувствуют себя на положении пограничников, поскольку всегда находятся у черты розыска истины, защиты и обороны ее от досужих фантазий и всякого рода измышлений. Подобно летчикам, водолазам, геологам, архивисты ныряют, углубляются в моря и тучи бесконечного количества неведомого и неразобранного материала. Сравниваются они и с изобретателями, так как каждую минуту готовы сделать неожиданное открытие.

Бывая в Москве, Петр Иванович несколько раз встречался с Марией Ильиничной Ульяновой, уточнял разные моменты из жизни И. Н. Ульянова в Астрахани. К большому сожалению, Усачев не вел записи эти бесед. А может быть, и вел, но они не сохранились. Поиски неутомимого краеведа прервала лишь смерть. Он скончался в 1965 году. Личный архив Усачева до нас дошел не полностью. По-видимому, многие документы утеряны безвозвратно, но сохранившиеся исключительно интересны.

В мае 1934 года Усачев послал в Москву Марии Ильиничне стенографическую запись своей беседы с Екатериной Ивановной Лисиной, которая знала брата и сестру Ильи Николаевича — Василия Николаевича и Федосью Николаевну. Приводим ее с краткими сокращениями:

«Усачев: Где вы родились и в каком году?

Лисина: Родилась в Астрахани, мне сейчас 73 года.

Усачев: Сколько лет вы прожили в доме Ульяновых?

Лисина: Мне минуло 8 лет, когда мои родители поселились в доме Ульяновых. Замуж вышла 18 лет — из этого дома.

Усачев: Ваш отец был кто?

Лисина: Мой отец был сапожник, мать и сестры шили бахилы для ловцов.

Усачев: Кто хозяином дома считался?

Лисина: Василий Николаевич Ульянов.

Усачев: Кто еще жил с Василием Николаевичем Ульяновым?

Лисина: Жила родная сестра — Федосья Николаевна, девица.

Усачев: А мать была жива у них?

Лисина: Матери не было, но жила с ними тетка родная, Татьяна Алексеевна; она им готовила, потом стала слепая. Они называли ее «крестная».

Усачев: Кто был старше: Василий Николаевич или Федосья Николаевна?

Лисина: Федосья Николаевна.

Усачев: Между ними было сходство?

Лисина: Было, но очень мало.

Усачев: Какое обличье они имели, русское лицо или нет?

Лисина: Как бы сказать: если всмотреться, то русское. Знаю, что были русские, богомольные.

Усачев: Федосья Николаевна не была ли смуглой в лице?

Лисина: Она была темная, смуглая, некрасивая, скуластая, нос большой, ноздри большие. Василий Николаевич так же смугл и носил на ушах через голову черную ленту, был болен и носил ленту для того, чтобы ветер не надул в уши.

Усачев: Василий Николаевич какого был роста?

Лисина: Небольшого роста, худенький, бородка маленькая.

Усачев: Бакенбарды были?

Лисина: Не было, только чуть усики и борода.

Усачев: Он был лысый, седой?

Лисина: Не могу сказать. Лента была повязана через голову. Помню только, ноги были очень плохие, ходил тихо.

Усачев: На какие средства они жили?

Лисина: Он служил управляющим у Алабова¹.

Усачев: Помните, что он служил у Сапожниковых?

Лисина: Этого я не знаю.

Усачев: Алабовы были солепромышленники, откупщики?

Лисина: Не могу сказать.

Усачев: Где была контора Алабова?

Лисина: На Кутуме, а который дом — не помню.

Усачев: Какое дело было у Алабова?

Лисина: Кажется, рыбные промыслы, точно не помню.

Усачев: Как вы думаете: много жалованья получал Василий Николаевич?

Лисина: Не могу сказать, не знаю.

Усачев: Как они жили?

Лисина: Очень бедно.

Усачев: Как же так: Василий Николаевич был управляющим, а жили бедно?

Лисина: Вероятно, он небольшое жалованье получал, по своему здоровью часто болел. А чтоб гости у них были или они в гости — этого никогда не было, жили очень скромно.

Усачев: Он не пил?

Лисина: Нет, очень скромно жили. Готовили иногда для себя, и кофе и какао сварят, и пирог испекут, а другого ничего не было.

Усачев: Как обращался Василий Николаевич со своей сестрой?

Лисина: Очень хорошо. Называли друг друга «братец» и «сестрица» и друг без друга никуда. Никогда не было ссоры. Друг друга почитали.

Усачев: Василий Николаевич когда-нибудь говорил про своего брата Илью Николаевича?

¹ С 1831 г. армянские купцы братья Алабовы вели в Астрахани крупные торговые дела. Видимо, в торговой конторе Алабовых и работал Василий Ульянов. Как видно из объявлений газеты «Восток» за 1866 г., торговая контора Алабовых находилась в первой части города близ Нового моста. Распорядителем конторы был Михаил Алабов. Он слыл крупным соляным откупщиком.

**Площадь Городских весов. В центре гостиница купца Смирнова
(фото конца XIX века)**

Лисина: Когда умер Василий Николаевич, то Федосья Николаевна послала телеграмму в Симбирск и просила: «Братец умер, домом я владеть не могу, если можете, приезжайте, продайте его, и мы разделим наследство пополам». А он ответил: «Никакого дома мне не надо, сестра, а Вы можете его продать и живите, кормитесь на эти деньги».

Усачев: Где сами Ульяновы жили: вверху или внизу?

Лисина: Они жили внизу.

Усачев: Кто жил вверху?

Лисина: Квартирант, он ходил в море с рабочими. Фамилия его Попов, Иван Григорьевич. Сейчас их никого нет в живых.

Усачев: Кто ходил в гости к Ульяновым?

Лисина: Кроме квартиранта, который приезжал с моря, никто. С квартирантом Ульяновы были дружны. Когда квартирант приезжал с моря, он устраивал угощения — чай, балык, а потом Ульяновы к себе приглашали, угощали чаем, поставят самоварчик, но водки никакой никогда не было.

Усачев; Кому был продан этот дом?

Лисина: Не могу сказать. Еще при жизни Василия Николаевича покупал дом сосед их Смирнов¹, хорошие деньги давал, потому что у него на той улице была гостиница, номера, и он хотел иметь место, которое занимал дом Ульяновых. А Василий Николаевич этот дом не хотел продавать. А когда Василий Николаевич умер, кому Федосья Николаевна дом продала, не могу сказать.

Усачев: Не продала ли этот дом Артемьеву?²

Лисина: Не могу сказать. Знаю, что хотел этот дом купить Смирнов.

Усачев: Откуда Вы это знаете?

Лисина: Федосья Николаевна говорила моим родителям — матери, потому что она была с ними в большом ладу и у нас все было общее, никаких секретов не было. Она говорила: «Я послала телеграмму братцу, а то наследники будут требовать после смерти Василия Николаевича», а потом говорила: «Слава богу, братец отказался от дома».

Усачев: Какие постройки были во дворе?

Лисина: Как войдешь в ворота — направо был садик небольшой, загороженный решетками, стоял стол там, скамеечка, кустик барбариса, кустик акации, си-

¹ Смирнов — крупный торговец и домовладелец, имел гостиницу, которая располагалась на площади Городских весов, против Пыточной башни кремля. Гостиница была каменной, трехэтажной. Внизу были магазин, чайная, ресторан; на третьем этаже располагались меблированные номера. Подворье гостиницы вплотную подходило к дому Ульяновых. В 1883 г. сосланный в Астрахань Н. Г. Чернышевский первое время жил в гостинице Смирнова.

² Дом Ульяновых был куплен купцом первой гильдии Александром Антоновичем Фокиным в 1881 г. Он уплатил маклерских 25 р. и составил купчую крепость на 200 р. Но дом и все подворье находилось в очень ветхом состоянии. Прижимистый купец решил подновить дом. Он завел памятную книжку (хранится в Астраханском краеведческом музее), куда скрупулезно записывал каждый рубль, каждую копейку, потраченную на ремонт дома. И тут-то опять, видимо, появился Смирнов. Уплатив гораздо большую сумму, он приобрел дом у Фокина. В краеведческом музее имеется «План существующих строений муниципализированного домовладения бывш. Смирнова, находящегося в 1-м районе по ул. Степана Разина за № 9». Из этого плана видно, что накануне революции дом Ульяновых входил в состав домовладений Смирнова. Остается загадкой, почему никто из Ульяновых не хотел продавать дом Смирнову.

рени. Дальше шла баня. Это все по правой стороне. Влево за баней — амбар, после этого громадный сарай — это для И. Г. Попова — для сбури, там у него много было сетей. После этого сенница, где складывали сено, так как у Федосьи Николаевны была одна корова. Она ее доила сама. Рядом ледник, летом постоянно был лед. Дальше в уголке был наш амбар для дров. Была у них корова, были гуси, штук 10, кур семь-восемь. Это для Федосьи Николаевны было развлечением.

Усачев: На левой стороне был домик старый?

Лисина: Да, тут был коридор: как только зайдешь с улицы, на левую руку ход, парадная дверь к Ульяновым. А потом мимо их двери лестница идет вверх. Под этой лестницей Федосья Николаевна в летнее время спала. Потом вы входите к Ульяновым, первый коридор, стеклянной галереи не было. Потом дверка, коридорчик небольшой, зал побольше, направо — кухня летняя, влево — их дверь. Взойдете налево по крылечку — летняя кухня, а прямо — комната Василия Николаевича, где он спал. В его комнате стоял шкаф с книгами, 2 стула, стол, кровать, и больше ничего. Из этой комнаты выходите в зал. В зале не было ни занавесок, ни гардин, ничего. Полы выкрашены, стены оклеены обоями. В зале стояло зеркало, иконы. Из этого зала вы идете через маленькую комнату в переднюю. Тут стоял ларь, на котором спала их тетка, кровати у нее не было, тут спала Федосья Николаевна, на сундуке, кровати у нее тоже не было.

Усачев: Шкаф глухой или стеклянный?

Лисина: Глухой.

Усачев: Книги с переплетами или без переплетов?

Лисина: Не знаю, много было книг, полно набито.

Усачев: Горшкова Степана Николаевича помните? Ходил он к вам?

Лисина: Ходил.

Усачев: Где он жил?

Лисина: Не знаю. Но Федосья Николаевна говорила, что это их племянник.

Усачев: Он выглядел богаче, чем Ульяновы, Василий Николаевич?

Лисина: Он одевался прилично.

Усачев: На купца похож не был?

Лисина: Нет.

Усачев: Не ходил ли кто из женщин к Федосье Николаевне?

Лисина: Ходила какая-то одна, кто, не помню.

Усачев: Мать Василия Николаевича и Федосья Николаевна была рожденная по отцу Смирнова, звали ее Анна Алексеевна, она умерла раньше Василия Николаевича. Вы не знаете, кто такие были Смирновы: родственники или близкие?

Лисина: Не знаю.

Усачев: Как фамилия «крестной» — тетки Ульяновых?

Лисина: Не помню. Но звать ее Татьяна Алексеевна.

Усачев: Какая она была женщина: простая или чиновница?

Лисина: Простая.

Усачев: У Василия Николаевича по церковным книгам крестной матерью была Смирнова, может быть, это и есть Татьяна Алексеевна?

Лисина: Не знаю, только Василий Николаевич и Федосья Николаевна звали ее крестной.

Усачев: Были ли у них дома карточки фотографические?

Лисина: Не помню, знаю, что была лампа-подсветник, где Василий Николаевич спал.

За неграмотностью по ее просьбе подписался Истов. Беседу вел зав. Астраханским городским архивным бюро П. И. Усачев.

В беседе присутствовал зам. зав. Астр. гор. архивн. бюро Г. М. Алексеев.

Стенографическую беседу записала стенографистка президиума горсовета Боровкова 5/V 1934 года, г. Астрахань».

В архиве П. И. Усачева обнаружена и фотография Елизаветы Ивановны Лисиной. Старушка с изможденным усталым лицом стоит, придерживая рукой на груди черную кашемировую шаль. На ней зипун и длинная, до земли, юбка. Хотя Елизавета Ивановна не могла дать ответ на многие вопросы Усачева, стенограмма беседы имеет исключительное значение для выяснения быта семьи Ульяновых.

Готовясь к беседе, Усачев заранее наметил вопросы, которые должен был задать. Он хотел найти подтверждение на некоторые документы, найденные им в Астраханском архиве, уточнить многие детали из жизни Василия Николаевича. Больше всего Петра Ивановича интересовало:

1) Где работал Василий Николаевич?

2) Какого происхождения была жена Николая Васильевича Ульянова — Анна Алексеевна?

3) Кто был знаком с семьей Ульяновых?

Ответ на первый вопрос, видимо, несколько озадачил Усачева. Он считал (имея на руках документы Астраханского архива), что Василий Николаевич всю жизнь прослужил у братьев Сапожниковых. Сначала соляным объездчиком, а затем приказчиком. Это же писала Мариэтта Шагинян в очерке «Предки Ленина». Но Лисина сообщила нечто новое — Василий Николаевич служил у Алабова. Можно ли доверять сообщениям Лисиной? Несомненно! То, что она рассказывала, выдумать нельзя. Ведь Алабов был хорошо известен в старой Астрахани. Здесь, правда, есть некоторая неувязка. А. В. Горшкова сообщала ранее, что фирма Сапожниковых выплачивала Василию Николаевичу небольшую пенсию.

Всего вероятнее, Василий Ульянов перешел к Алабову, когда болезнь стала чаще приковывать его к постели. Ведь Сапожниковы предъявляли к своим конторщикам и приказчикам очень жесткие требования. Справляться со своими обязанностями, как прежде, Ульянов уже не мог. И на работу-то он ходил через силу. Но пенсия, положенная ему Сапожниковыми, была так мала, что ему, очевидно, приходилось временами помогать канцеляристам разбирать дела в конторе Алабова.

О службе у Сапожникова Лисина вполне могла не слышать. Она знала Василия Николаевича лишь в последние годы его жизни. Но надо вести поиск шире. Василий Николаевич работал и у других промышленников. Вот что говорится в списке мещан города Астрахани за 1859 год о Василии Ульянове: «Вероисповедания православного. Грамоту знает. Находится в услужении у разных лиц. Под судом и следствием не был»¹.

¹ ГААО, ф. 687, оп. 2, д. 2150, л. 643 об.

Видимо, Василий Николаевич служил конторщиком или приказчиком у многих именитых купцов. Он был общительным человеком и, несомненно, пользовался большим авторитетом. Многие астраханцы считали за честь породниться с ним. Об этом говорят записи в метрических книгах церкви Николы Гостиного. Он был крестным отцом детей многих купцов, крестьян, мещан. Выступал поручителем на свадьбах у купца Михаила Юдина, красноярского купца Александра Ловцова, крестьянина Ивана Тепакова...

Только документально я установил, что он был близок с семьями мещан Матфея Макашина, Дмитрия Тимофеева, Михаила Кожевникова, Федора Звонарева, крестьян Михаила Суренкова, Павла Кузьменкова и др.

Конечно, Петр Иванович Усачев этого не знал. Иначе он расширил бы круг поисков. У Лисиной он старался выяснить социальное происхождение жены Николая Васильевича Ульянова.

В переписи домовладения от 29 января 1835 года говорится, что Анна Алексеевна — дочь мещанина Алексея Смирнова. Между тем, ее сестра Татьяна Алексеевна, которая была крестной матерью Василию Николаевичу и Илье Николаевичу и постоянно проживала в семье Ульяновых, в одном из найденных Усачевым документов значилась чиновницей. У Петра Ивановича даже возникло сомнение — принадлежала ли Татьяна Алексеевна к семье Смирновых? Но, видимо, Лисина рассеяла эти сомнения. Татьяна Алексеевна и по одежде и по разговору была женщина из простонародья. А документ, виденный Усачевым, видимо, касался другой женщины.

Кстати, Лисиной допущена одна ошибка, от нее не зависящая. На вопрос, кто был старше — Василий или Федосья? — она ответила: Федосья Николаевна. На самом деле Василий Николаевич был старше Федосьи на три года. Здесь можно лишь объяснить ответ Лисиной тем, что внешне Федосья Николаевна, очевидно, выглядела старше своего брата.

Усачев также старался выяснить, кто хорошо был знаком с семьей Ульяновых? Кто поддерживал с ними постоянные дружеские отношения?

Однако вызывает удивление, почему Петр Иванович ничего не спросил о протоперее Николае Агафоновиче

Ливанове? Ведь он крестил почти всех детей в семье Николая Васильевича, был крестным отцом Ильи Николаевича. Он исповедовал и приобщал Анну Алексеевну и Василия Николаевича Ульяновых. Николай Агафонович слышал последние просьбы умирающих, их наказания близким. Видимо, специально по просьбе Анны Алексеевны, чувствующей свой смертный час, пришел Ливанов в дом Ульяновых.

В метрической книге Гостино-Николаевской церкви против фамилии Анны Алексеевны Ульяновой записано: «Кто исповедовал и приобщал? — протоиерей Николай Агафонович Ливанов и диакон Михаил Рувимов и исправляющий должность псаломщика Попов»¹. Если же посмотреть записи в метрической книге, то исповедовать умирающих в это время ходили иерей Николай Никольский или иерей Гавриил Востоков. Для Анны Алексеевны Ульяновой было сделано исключение. Да и кто мог лучше Ливанова знать семью Ульяновых! Ведь Николай Агафонович хорошо помнил старого портного и дал ему слово опекать его детей и жену. Теперь Ливанов дожил до смерти Анны Алексеевны и ее сына Василия. Умер протоиерей в 1885 году. Лисина могла его хорошо помнить.

Жизнь Николая Агафоновича заслуживает того, чтоб о ней хоть немного знали читатели.

В формулярном списке астраханских церковнослужителей за 1871 год есть очень много биографических сведений о Ливанове. Там писалось: «Протоиерей Николай Агафонович Ливанов из великороссиян. По окончании в Астраханской духовной семинарии курса наук со степенью студента, 1829 года 1 сентября определен в низшее отделение уездного училища учителем греческого языка, российской и славянской грамматик, 1829 г. определен учителем нотного пения в высшее и низшее отделения уездного училища... 1830 г. 1 сентября перемещен в высшее отделение учителем латинского языка и всеобщей географии. В 1830 году рукоположен в священника Гостино-Николаевской церкви...»²

Даже будучи священником, Ливанов продолжал преподавать в уездном училище. Николай Агафонович учил

¹ ГААО, ф. 630, оп. 1, д. 13, л. 426.

² Там же, ф. 599, оп. 8, д. 17, л. 4 об.

Началам русской словесности, латинскому языку, географии и Василия Ульянова, и его брата Илюшу. Оба они кончали Астраханское уездное училище.

Стараниями Николая Агафоновича при Гостино-Николаевской церкви была устроена книжная лавка, где по дешевой цене продавались книги, присылаемые из комитета грамотности.

Николай Агафонович был трудолюбив и неутомим. Даже на склоне лет он ухаживал за деревьями в саду, сам шил себе подрясники и камилавки.

В 1878 году в Астрахани отмечали 50-летний юбилей священнической деятельности Ливанова. 19 октября, в день юбилея, внучка Ливанова К. П. Ильинская произнесла: «Было время, когда вы кипели жизнью, трудились и трудами своими устроили не только свое, но вместе с тем и общее благо. Вы воспитали и подарили обществу полезных деятелей на поприще воспитания юных поколений...»

Возможно, К. П. Ильинская хорошо знала судьбу Илюши Ульянова, ставшего известным в Симбирске народным просветителем. Как раз на этом торжестве Ульянов напомнил о себе.

«Во время трапезы были получены поздравления от разных лиц: от родных из Рязани, от некоторых благочинных Астраханской епархии, от директора народных училищ Симбирской губернии статского советника И. Н. Ульянова — крестного сына юбиляра»¹. Отец крестный. Очень много раньше вкладывалось в это слово на Руси.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Они знали семью Ульяновых

Мое предыдущее повествование основывалось почти исключительно на документальном материале. Теперь я изложу то, что услышал от астраханских старожил, что по крупицам сохранилось в народной памяти, расскажу, как создавался дом-музей Ульяновых в Астрахани. Все эти непосредственные восприятия требуют более эмоционального отображения.

¹ Астраханские епархиальные ведомости, 1878, № 46, с. 723.

Постараюсь сделать нечто вроде репортажа, который уже через несколько лет вряд ли кому удастся провести. Все меньше остается людей, которые в какой-то мере знали жизнь семьи Ульяновых.

Как-то мне по телефону позвонил краевед Алексей Иванович Ухин. Он сказал, что хочет сообщить мне нечто новое о семье Ульяновых. Договорились о встрече. Я с нетерпением ждал его прихода. Ухина я знал как автора интересных детских книг «Прирученушка», «Журавлиный пляс». Но что сообщит он нового об Ульяновых?

Оказывается, он хорошо знал семью Горшковых — родственников Ульяновых. Они вместе читали мое первое издание книги «Ульяновы в Астрахани». Тогда стали вспоминать Горшковы давние рассказы своих дедов и отцов, перебирать старые вещи: кое-что отыскивали. Ухин пришел не с пустыми руками. Из большого саквояжа он вытащил шкатулку, расписной глиняный горшок и вязаную небольшую скатерть.

— Вот вещи, которые некогда находились в семье Ульяновых, — с волнением произнес Алексей Иванович, — все это осталось от Федосьи Николаевны.

Я внимательно разглядывал дорогие реликвии. Шкатулка простая из прочного полированного дерева. Раньше в таких шкатулках подносили подарки. Я знал, что шкатулка, подаренная Ильей Николаевичем сестре, после смерти Федосьи Николаевны перешла к ее племяннику Степану Горшкову. Но я не думал, что она сохранилась.

Горшок с узким горлышком, расписной, покрытый поливной глазурью, служил для цветов, которые Федосья Николаевна очень любила.

А что расскажут сами Горшковы? Я спросил их адрес и на другой день был на улице Нечаева.

В глубине двора, среди зарослей цветов, притаился деревянный домишко. Здесь живет одинокая старушка Антонина Яковлевна Марапулец-Горшкова. В небольшой комнатке, уставленной старомодной мебелью, ведем не спеша разговор. Антонина Яковлевна повествует:

— Мария Николаевна Ульянова была замужем за Николаем Захаровичем Горшковым — родным братом нашего деда Андрея Захаровича Горшкова.

Е. С. Горшков — внук М. Н.
Ульяновой

тери Ленина) время, когда не стало Ильи Николаевича, а Александр был осужден, Горшковы часто высылали в Симбирск посылки с рыбой. Сын Марии, Степан Николаевич Горшков, закончил четырехклассное городское училище и был служащим государственных учреждений¹. Василий Ульянов советовал отдать Степана

— А чем занимался отец Николая Горшкова? В некоторых архивных документах Захар Гаврилович Горшков значится купеческим сыном, а в некоторых мещанином? — спросил я.

— Слышала я от матери, что род Горшковых выбился в купечество из мещан. Так, дед Захар Гаврилович, когда женил на Марии Ульяновой своего сына, еще в мещане был записан. В Красноярском уезде был у него небольшой рыбный стан. И доныне один из бугров под Красным Яром называется Горшковским...

Немного помолчав, она продолжала:

— По словам деда — это уж нам мать говорила, в трудное для Марии Александровны Ульяновой (ма-

¹ До сего времени жив астраханский старожил Борис Александрович Плотников, который хорошо знал Степана Николаевича Горшкова. По словам Плотникова, Степан Николаевич последние годы работал конторщиком на известном астраханском курорте «Тинаки». У Степана Николаевича было три сына — Борис, Евгений и Вячеслав и дочь Юлия. Евгений и Борис Александрович вместе росли. В 1914 г. Евгений уже в действующей армии на австрийском фронте. Оттуда и прислал он другу фото, которое предлагаем вниманию читателей. Евгений Степанович запечатлен на фото в чине подпоручика артиллерии. Это была его последняя фотография. В 1915 г. он геройски пал в жестоком бою при осаде крепости Перемышль в Галиции. 5 апреля 1915 г. газета «Астраханский листок» поместила его портрет, под которым стояла подпись: «Подпоручик Евгений Степ. Горшков, астраханец, убит в бою 17 марта».

учиться в гимназию, но Николай Захарович не согласился, считая, что для их дел нет надобности иметь гимназическое образование.

— А нет ли у вас альбома со старыми фотографиями? — любопытноствую я.

Антонина Яковлевна принесла из соседней комнаты небольшой старинный альбом с застежками, похожий на молитвенник. Я раскрыл его. На первом листе была вставлена фотография Антонины Яковлевны. Я сразу узнал ее, хотя лицо было молодое, цветущее, большие темные глаза глядели весело и задорно. А вот и другие, незнакомые лица, рубашки со стоячими крахмальными воротничками, картузы, длинные платья, отороченные кружевами... Встречались листы и пустые, из которых фотографии были вынуты.

— А Степана Горшкова (сын Марии Николаевны Ульяновой) была фотография? — любопытноствую я.

— Была. Многих Горшковых были фотографии. Даже, помнится, и Федосьи Николаевны Ульяновой была фотография. Но куда-то давно пропала, еще в годы гражданской войны.

— А Федосью Николаевну помните?

— Помню, но смутно. Нас, девчонок, со двора почти никуда не пускали. Родитель держал нас в строгости. Вы уж лучше моего брата Василия Яковлевича об этом спросите. Он живет на Московской улице.

И вот я в доме Василия Яковлевича. Здесь же живет и его младший брат Андрей Яковлевич. Горшковы вспоминают годы своего далекого детства. Федосью Ульянову больше помнит Василий Яковлевич. Он рассказывает:

— Век-то свой доживала Федосья Николаевна у племянника Степана Горшкова. Наш дом находился неподалеку от дома Степана. Я к ним часто забегал, там и видел Федосью, звали мы ее бабка Федотка. Росту была небольшого, ходила сгорбленная, вся в черном. Очень добрая была. На нашей улице часто появлялся отставной солдат с деревянной ногой, возил в тележке мороженое. Бывало, купит Федотка рюмочку мороженого и сует мне: «Ешь, Васенька, ешь...»

А то за копейку купит конфетку с махорком и тоже мне. На Новый год для детей обязательно готовила слку. Своих не было, так с чужими забавлялась. Каж-

дому гостинец дарила. Знала Федосья много пословиц и загадок. Одну я запомнил: «Из земли взят, вознесся на небеса, с небес в огнище, с огнища на тарбище — по улицам везут, за ним бабы идут, в руки его берут. По боку его выбияши, а он тонким голосом вопияши, на свете живет, а потом умрет и опять в землю уйдет». Трудно было разобраться в мудреных словах. А она погладит по головке и скажет: ведь это горшок — основа фамилии вашей.

* * *

Однажды меня разыскала Татьяна Александровна Смолянинова, внучка Константина Михайловича Аммосова, о котором я упоминал в книге «Ульяновы в Астрахани».

— Знаете, ведь мой дед знал Илью Николаевича очень хорошо. И фотографировался вместе с ним. Правда, когда «Учительская газета» поместила этот снимок, то вместо фамилии деда указала другую...

— А эта газета у вас имеется?

— Да, мы бережем ее. Заходите, я покажу.

И вот у меня в руках «Учительская газета» от 26 января 1963 года. В глаза бросается большая статья «В поисках ленинских материалов». Статья написана М. Веселиной — научным сотрудником института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. На страницах газеты Веселина рассказывала о новых находках ленинских материалов и о пути поисков документов, касающихся просветительной работы Ильи Николаевича. Статью сопровождала фотография: «И. Н. Ульянов среди инспекторов народных училищ Симбирской губернии».

На фотографии шесть человек. В первом ряду в середине сидит Илья Николаевич. Он сидит, нарочито приподняв голову, держа правую руку за бортом сюртука — так его усадил фотограф. Ульянова окружают инспектора народных училищ.

— Вот смотрите, — говорит Татьяна Александровна, указывая на фотографию в газете, — сзади Ильи Николаевича, во втором ряду справа, стоит мой дед Константин Михайлович. Мы его сразу узнали. Правда, в статье предполагается, что это Раменский. Почитайте здесь.

Я стал читать:

И. Н. Ульянов среди инспекторов народных училищ

«...Наше внимание привлекла также фотография Ильи Николаевича Ульянова в группе инспекторов г. Симбирска, опубликованная в книге «Отец Владимира Ильича Ленина — Илья Николаевич Ульянов». До сих пор точно еще не установлены все запечатленные на этой фотографии лица (крайний справа, во втором ряду, предположительно, А. П. Раменский). Возможно, этот снимок сделан именно в 1882 году, когда из Сим-

бирска в разные города Поволжья разъехались с новыми назначениями бывшие учителя и инспектора, работавшие под руководством Ильи Николаевича. А ведь такой же снимок должен быть и у остальных участников съемки или их родственников. И. Н. Ульянов переписывался с В. И. Фармаковским, а возможно, и с А. П. Раменским и другими учителями и инспекторами после 1882 года. В архивном фонде Фармаковских хранится большое количество писем инспекторов и учителей, в некоторых из них сообщаются сведения о семье Ульяновых. Родственники Воткиных, Ишерских, Красевых, Сtryжалевских, Хохловых, Яковлевых, Барсовых, Покровских, Архангельских и других, возможно, до сих пор хранят письма И. Н. Ульянова, которые могут дополнить многие факты из жизни семьи Ульяновых в Симбирске и дать дополнительные ценнейшие сведения об истории развития народного образования в Поволжье...»

— А вы написали Веселиной, что на фотографии первый справа, во втором ряду, ваш дед? — спросил я Татьяну Александровну.

— Написала. И даже копия этого письма сохранилась...

Я с интересом стал читать это письмо:

«Многоуважаемая тов. Веселина!

Пишу Вам по поводу Вашей статьи, помещенной в «Учительской газете» от 26/1 1963 г. Я внучка Константина Михайловича Аммосова, одного из инспекторов Ильи Николаевича Ульянова. Он в 1889 году переехал в Астрахань на должность директора народных училищ. Умер в 1921 году. На фотографии он стоит справа крайним. Его Вы принимали за Раменского. Справа от Ильи Николаевича сидит Ишерский — дедушкин товарищ по Казанской духовной академии.

Моя мать — дочь К. М. Аммосова — Ольга Константиновна узнала на снимке своего отца, его близкого друга Ишерского и Илью Николаевича, который, приезжая в Алатырь, останавливался у дедушки. Маме было лет пять. Она вспоминает Илью Николаевича невысоким, худощавым, очень подвижным человеком. Мамина мачеха, вторая жена Константина Михайловича Евгения Петровна при жизни своей говорила, что она училась в Симбирской гимназии вместе с Анной Ильиничной, что

Мария Александровна Ульянова очень хорошо относилась к ней. Бабушка Евгения Петровна рассказывала о семье Ульяновых, о поездках Ильи Николаевича. Она говорила о большой любви и уважении Константина Михайловича к Илье Николаевичу, о пользе его инспекторских поездок. Рассказывала о вечерах, проведенных ею и Константином Михайловичем в семье Ульяновых в Симбирске, куда они часто ездили. Останавливались они у Ишерских, но к Ульяновым всегда заходили. Говорила о высокой культуре семьи Ульяновых, о высокой одаренности Александра Ильича. Владимир Ильич был еще маленький, но мама моя видела его.

Фармаковский также имеет некоторое отношение к дедушке: оба они были женаты на двух сестрах Поповых — Клавдии и Валентине...»

— А приведенная в газете фотография у вас имеется? — спросил я.

— В том-то и дело, что задевалась неизвестно куда. А была точно такая. Я хорошо помню. Другие сохранились...

Татьяна Александровна выдвинула ящик большого письменного стола и достала оттуда три фотографии.

На первой Константин Михайлович сидит с двумя маленькими девочками в белых нарядных платьицах, отороченных рюшками.

— Эта фотография самая старая, — стала пояснять Татьяна Александровна. — Сделана в Вятке. Дед только что понес большую утрату, у него умерла жена. Тогда, видимо, и познакомился дед с Ильей Николаевичем. В 1880 году, когда мой дед был преподавателем Вятской семинарии, Ульянов обратился к попечителю Казанского учебного округа, чтоб Константина Михайловича назначили инспектором народных училищ Симбирской губернии. Ведь директор народных училищ Ульянов подбирал себе помощников инспекторов, известных своей преданностью делу... И некролог мой дед писал, когда Илья Николаевич скончался, — добавила Татьяна Александровна.

Я не знал, что некролог писал астраханец, и дома перечитал его вновь.

Константин Михайлович отмечал, что в Симбирске всем была хорошо известна прекрасная семья Ильи Николаевича. Погребение Ульянова происходило 15 ян-

варя 1886 года. К 9 часам утра к дому покойного собрались инспектора, преподаватели и учащиеся гимназии, народных училищ, кадетского корпуса, духовной семинарии... Проститься с Ильей Николаевичем пришли многие горожане, заполнив всю улицу около дома. Далее Аммосов описывает, как началось печальное шествие. Первыми его гроб несли сын Владимир с ближайшими сотрудниками и друзьями отца...

Да, Аммосов очень хорошо знал семью Ульяновых. Ему было очень больно провожать в последний путь человека, который был его наставником, советчиком и другом.

А вскоре Татьяна Александровна позвонила мне опять, сообщила, что, перебирая старые вещи своей тетки — дочери Аммосова Зинаиды Константиновны Доброхотовой, она отыскала фотографию «Илья Николаевич Ульянов среди инспекторов народных училищ». Имеются также и другие старинные фотографии и документы...

И вот я вновь у Татьяны Александровны. На большом письменном старинном столе, который когда-то стоял в кабинете Аммосова, разложены фотографии и документы. Я начинаю с пакета, склеенного из плотной желтоватой бумаги. В этом пакете оказалась заветная фотография — фотография светло-коричневого тона, наклеенная на плотный картон. И хотя я неоднократно видел ее в репродукциях, но ни с чем не сравнимое чувство переживаешь, держа в руках оригинал...

— А вы знаете, — говорит Татьяна Александровна, — я припоминаю, что эта фотография висела в кабинете деда. И еще там была одна фотография, где Константин Михайлович был сфотографирован в группе, где был и Илья Николаевич. Но, видимо, та фотография безвозвратно утеряна. Да и эти-то уцелели чудом. Смотрите, в каком состоянии они находятся.

Татьяна Александровна указала на лежащие на столе огромные картонные листы. Многие фотографии покрыты пятнами и поцарапаны.

Вот фотография, где Аммосов среди благотворителей Вятской женской гимназии. Дородные купчихи, священнослужители, промышленники с медалями на шее. Вот они, «покровители и благодетели» народного просвещения. Как похожи они на персонажи пьес Остров-

ского. Одинок и чуждо чувствовал себя среди них Аммосов.

Еще фотография. Аммосов среди народных учителей. Вверху надпись: «Астраханские курсы садоводства и огородничества для народных учителей». Константин Михайлович был организатором курсов.

Не менее интересны и документы. Формулярные списки, диплом об окончании Аммосовым Казанской духовной академии с приложением академической печати, благодарственные адреса учителей...

Любопытен проект создания в Астрахани воскресных школ. Проект написан Аммосовым в октябре 1891 года. Проект рукописный, со следами исправлений самого же автора.

Константин Михайлович считал, что главная задача воскресных школ — научить неграмотных горожан «пользоваться могучим орудием просвещения — книгою и письмом». Он отмечал далее: «К сожалению, несмотря на десятки тысяч начальных школ, раскинутых по обширному нашему государству, громадная масса не только сельского, но и городского населения остается вне внимания школы. Это те люди, кои и наипаче по материальному положению были с первых лет детства в необходимости посвятить все время и труд заботам о хлебе насущном...»

Когда в 1912 году Аммосов уходил на пенсию, народные учителя поднесли ему благодарственный адрес. На плотной меловой бумаге, украшенной виньеткой, золотом тиснута слова:

«Глубокоуважаемый Константин Михайлович!

Мы, преподаватели и преподавательницы приходских и начальных училищ города Астрахани, при расставании с Вами не можем не выразить Вам своей грусти и глубокого сожаления, как доброму и высокоавторитетному начальнику.

Почти четверть века Вы руководили нашей педагогической деятельностью. Вы видели в нас — преподавателях — самостоятельных работников, и это доверие пробуждало и поддерживало в нас живой интерес к учебному делу...»

Под этим адресом стоят подписи семидесяти учителей.

С. Н. Горшков в кругу семьи (вторая слева, в черном платке, Федосья Ульянова)

Константин Михайлович навсегда сохранил в своей памяти благородный нравственный облик Ильи Николаевича Ульянова и всегда старался в своей деятельности следовать его примеру.

* * *

На мое имя в редакцию газеты «Волга» пришло письмо. Прислала его Елизавета Степановна Артемьева. Она писала: «Вчера я прочитала книгу А. Маркова «Ульяновы в Астрахани». Горшковы мои родственники. Жена Степана Николаевича Горшкова (сын Марии Николаевны Ульяновой) моя родная тетка. У меня сохранился портрет Степана Николаевича и его детей.

Я думала написать тов. Маркову, но не знаю куда. У меня есть вещи, принадлежавшие Горшковым, а может быть, и Федосии Николаевне Ульяновой, сестре Ильи Николаевича. Ее я знала. Встречалась с ней в последние годы ее жизни, когда с матерью приходила к Горшковым. Была и на ее похоронах».

Что нового я узнаю о Горшковых у Артемьевой?

Улицу Ярославскую я отыскал на Эллинге — части старого порта. Вот и дом № 16. Елизавета Степановна была дома и приветливо встретила меня. Усадила за стол. Положила передо мной большой альбом. Я разглядываю фотографии. Елизавета Степановна обращает мое внимание на старое потрескавшееся фото.

— Вот семья Степана Николаевича Горшкова. Сфотографированы за чаепитием во дворике дома. Справа, в белом пиджаке и шляпе, сидит Степан Николаевич. Рядом с ним в темной рубашке мальчик — это его сын Борис. Крайний слева, в белой рубашке и фуражке с гимназическим гербом — сын Вячеслав. В первую мировую войну был офицером. Затем перешел к красным. После гражданской войны учился в военной Академии. Во время Отечественной войны погиб в чине полковника. За самоваром в наброшенном на плечи платке — жена Агриппина Ильинична. Это моя тетка. У Степана Николаевича был еще сын Евгений, погиб во время первой мировой войны. В альбоме есть его фотография. Вот смотрите...

Я вижу фотографию, наклеенную на черный картон. На картоне тиснута серебром слова «Казань». Евгений Степанович сфотографировался в 1914 году, когда находился в школе прапорщиков. Стройная его фигура опоясана офицерским ремнем. На левом боку кортик. На голове офицерская фуражка. Застенчиво его совсем юное лицо. В припухлых губах и широких ноздрях есть что-то ульяновское.

На обороте коричневыми чернилами собственноручная подпись Евгения: «Подпоручик Евгений Степанович Горшков». И ниже скорбная подпись, сделанная рукой отца: «Убит 17 марта 1915 года в чине подпоручика Невского 1-го полка».

Фотография Евгения у меня имелась. Мне ее дал астраханский старожил, друг Евгения — Борис Александрович Плотников. Правда, фото несколько иное. Евгений Степанович снят в шинели и папахе с шашкой на боку. Фото было прислано из действующей армии.

Но вот изображение сына Марии Николаевны Ульяновой Степана Николаевича я вижу впервые. И я вновь и вновь разглядываю потускневшее фото. Степан Николаевич сидит, откинувшись на спинку стула, опершись

**В. С. Горшков — внук М. Н.
Ульяновой**

видимо, волнуется. Не часто приходится сидеть перед фотоаппаратом. Она умерла в 1908 году. На двадцать с лишним лет пережив брата Илью.

Елизавета Степановна принесла небольшой медный самовар с затейливым краником и боками, гранеными наподобие пчелиных сот.

— Вот за этим самоваром чаевничали.

Елизавета Степановна припомнила и другой случай. Однажды к Горшковым приехали Анна Ильинична и Марк Тимофеевич Елизаровы. Взошли на крыльцо, постучали в двери, но их в дом не пустили. Дома были лишь дети, и они выполняли строгий наказ старших — двери чужим не отворять. Потом долго смеялись Елизаровы — за чужих приняли.

— Расскажите, что вы знаете о Степане Горшкове? — спрашиваю я.

— Это был скромный человек. Последние годы работал кассиром на знаменитом курорте «Тинаки». И обстановка в доме была скромная. Посмотрите на фото-

левой рукой об угол стола. Сосредоточенно его усталое суховатое лицо с седой небольшой бородкой и усами. Это у него доживала век сестра Ильи Николаевича Ульянова — Федосья Николаевна.

Я спрашиваю о Федосье Николаевне.

— Да, я знала ее, — подтверждает Елизавета Степановна. — Маленького роста, ходила всегда в черном. Заходила к моей матери часто, любила посидеть за самоваром. Да ведь и она на фотографии есть. Вот в черном одеянии сидит между Вячеславом и моей тетей.

Я внимательно разглядываю изображение Федосьи Ульяновой. Она сидит прямо, убрав руки под стол. И,

графню. За столом простая белая скатерть, клеенка. Традиционный медный самовар, недорогая посуда, обычные венские стулья. Степан Николаевич одевался очень чисто, опрятно. Очень любил природу. Был у него большой сад в Красном Яру. В саду яблоки лучших сортов. Он выписывал журналы и справочники по садоводству. Вообще, книги он очень любил. Есть у меня несколько его книг.

Елизавета Степановна достала из шкафа толстый потрепанный том. Это был энциклопедический словарь Ф. Павленкова. На титульном листе записано: «На добрую память Степану Николаевичу Горшкову от Ивана Михайловича Шадинова, 18 ноября 1905 года. Астрахань».

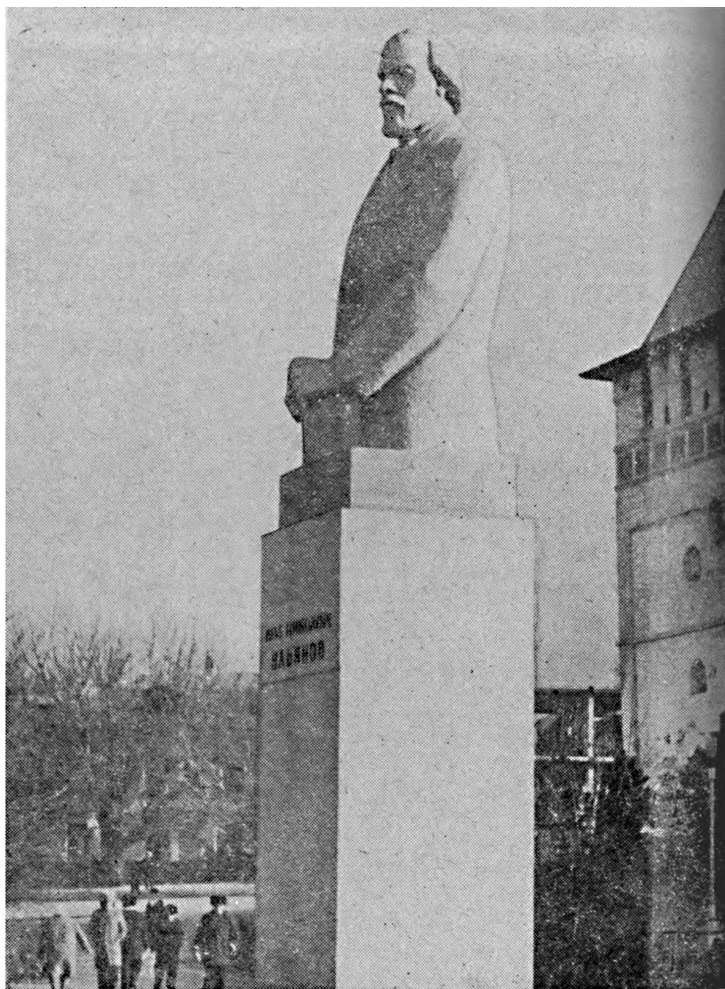
Кто такой Шадинов — Елизавета Степановна не знала, но она сказала, что Горшковы и Ульяновы были дружны с Саварскими¹.

Кто они, она тоже не знала. Слышала это от матери.

Затем Артемьева достала еще книги. Одна из них меня особенно заинтересовала. Она называлась: «Дух или избранные мысли Ж.-Ж. Руссо. Перевод с французского Ивана Мартынова. В Санкт-Петербурге. 1801». Напечатана книга в императорской типографии. Главное, что меня привлекло, — это владельческие записи. На первом после обложки листе значилось: «Из книг есаула Матвея Егорова Ляпина. 1812 сентябрь 18, г. Новочеркасск».

А чуть пониже: «Из книг учителя Тимофеева». Возможно, это Александр Васильевич Тимофеев, преподаватель астраханской гимназии, который трижды представлял сочинения Ильи Ульянова в Казанский учебный округ. По всей видимости, Тимофеев давал читать «Избранные мысли» французского философа гимназисту Ульянову. Позже многие книги Ильи остались у его брата Василия, а затем оказались в семье Горшковых.

¹ Это же подтвердила Мария Никоновна Юркевич, 86 лет. По ее словам, сестры Мария Григорьевна и Елизавета Григорьевна Саварские жили в их доме на бывшей Казанской улице. Умерли в 1928 г. Говорили, что состояли в родственных связях с Ульяновыми. Из архивных документов мне удалось лишь установить, что в 1872 г. на Косе, недалеко от Ульяновых, жил астраханский крестьянин Василий Саварский (ГААО, ф. 94, оп. 1, д. 34299, л. 25).

Памятник И. Н. Ульянову в Астрахани

Елизавета Степановна не знала, где Степан Николаевич работал в годы гражданской войны, когда курорт был закрыт. Она слышала, что Горшков умер в селе Безродном, но не могла сказать, почему он там оказался.

На это дают исчерпывающий ответ документы Астраханского государственного архива.

В начале 1919 года Степан Николаевич поступил на службу в Комитет государственных сооружений и общественных работ при Астраханском губсовнархозе¹. Затем перешел работать в политотдел Волжско-Каспийской военной флотилии. Но он сильно прибалывал. Горшков жаловался на боли в голове, ломоту в ногах, перебои в сердце. На работу ходил с трудом. Это было тяжелое время. В Астрахани голод, разруха, тиф. Именно тогда в Астраханский губсобес пришло письмо из Москвы от Анны Ильиничны Елизаровой-Ульяновой. Она писала:

«Уважаемые товарищи!

Я недавно получила письмо от моего двоюродного брата, единственного племянника моего отца Ильи Николаевича Ульянова. Моему двоюродному брату уже 70 лет. Он служит в политотделе Волжско-Каспийской военной флотилии, имеет больную жену и сына, страдающего эпилепсией. Другой сын Вячеслав, батальонный командир, на фронте. Степан Николаевич пишет о чрезвычайной трудности жить теперь в Астрахани и о последнем своем горе — об объявлении ему отставки. Я пишу одновременно и в политотдел, но думаю, что престарелому родственнику моему, может быть, трудно уже служить, я полагаю, что его и его больного сына, а может быть, и жену следует обеспечить по законам Советской республики. Прошу поэтому обследовать положение С. Н. Горшкова — адрес его: Армяно-Петропавловская улица, 5-й участок, дом Петрунина № 114, дать ему полагающееся пособие, а может быть, устроить на какой-нибудь несложной работе, где он мог бы иметь какой-нибудь паек, где-нибудь за городом, где легче достать продовольствие, и о сделанном известить меня»².

Завгубсобесом Шичков дал указание провести обследование семьи Горшковых, и председатель домового комитета по Армяно-Петропавловской улице доложил, что Степан Николаевич «не имеет никакой недвижи-

¹ ГААО, ф. 1216, оп. 1, д. 2482.

² Там же, д. 5191, л. 5.

мости в городе ни в торговле, ни в денежных капиталах и существует исключительно на получаемое жалованье»¹.

Горшков не имел даже собственного дома, а жил на квартире у мещанина Петрунина. До утверждения пенсии Степана Николаевича устроили на новую работу за городом. Но он даже не доехал до места назначения. Вот сообщение начальника управления Военных сообщений 11-й армии:

«...Настоящее удостоверение выдано Агриппине Ильиничне Горшковой в том, что муж ее Степан Николаевич Горшков был назначен казначеем этапа № 25 с. Тундутово и по дороге к месту службы заболел и умер от сыпного тифа в с. Безродном»².

Степан Николаевич скончался 27 апреля 1920 года. Узнав о его кончине, жена тут же выехала в село Безродное, но мужа уже похоронили чужие люди. Все вещи его были уничтожены, так как умер он в тифозном бараче. Вскоре Агриппина Ильинична стала получать установленную законом пенсию. А когда с фронта вернулся ее сын Вячеслав, Горшковы переехали в Москву. Там Вячеслав Степанович поступил в Высшую военную школу связи. В 1937 году вышел в резерв. Работал инженером на Московской ГЭС. Затем перешел на преподавательскую работу в «Трансэнергокадры». У него было двое детей: сын и дочь. Вячеслав Степанович Горшков и его сын Альберт погибли на фронтах Великой Отечественной войны.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

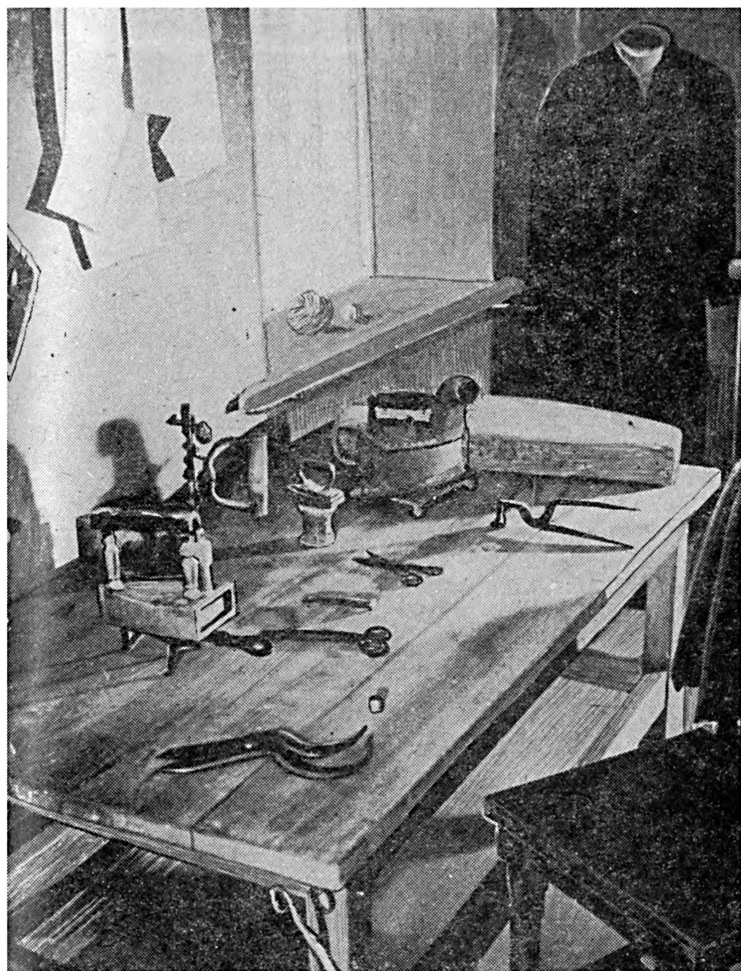
Близкое и дорогое

Этот дом знает каждый астраханец. В нем долгие годы жила семья Ульяновых: дед Владимира Ильича Николай Васильевич, дядя Василий Николаевич, отец Илья Николаевич.

В этом доме на Косе Илья Николаевич Ульянов про-

¹ ГААО, ф. 1216, оп. 1, д. 2482, л. 3.

² Там же, д. 5191, л. 3.

В доме-музее Ульяновых. Уголок портного

вел детские и юношеские годы, сюда он приезжал на каникулы из Казанского университета, в отпуск из Пензы и Нижнего Новгорода.

Здесь на Косе Илья Ульянов видел страшные контрасты буржуазного мира, видел и рабочие артели, спа-

янные силой бескорыстного товарищества. Дом Ульяновых находился недалеко от берега Волги, рядом с пристанями и причалами.

Николай Васильевич купил дом у матроса Федора Липаева. Но точно установить время покупки дома пока не удалось. Из «Книги оценочного сбора с недвижимого имущества частных владельцев города Астрахани за 1828 год»¹ видно, что Николай Васильевич в то время был уже владельцем дома.

После смерти Николая Васильевича владельцем дома считалась жена Анна Алексеевна, а затем его сын Василий Николаевич. А когда не стало и Василия, его сестра Федосья продала в 1881 году дом и перешла жить к племяннику Степану Горшкову.

Бывший дом Ульяновых постепенно ветшал. В начале 30-х годов нашего века его решено было снести. И тут, чтобы отстоять дом, вмешался Петр Иванович Усачев. Он написал письмо Марии Ильиничне Ульяновой. Ответ был получен 10 сентября 1930 года. В нем говорилось: «...Сообщение Ваше о том, что домик, где родился Илья Николаевич, собираются ломать, очень неприятно. Надеюсь, Вам удастся отстоять его. Если нужно, можно воздействовать в смысле сохранения его через Енукидзе. Еще раз благодарю Вас, товарищ, и шлю привет.

М. Ульянова»².

Дом снесен не был, но от переделок его уберечь не удалось. Верхний этаж использовался под учреждения, а окна нижнего были заложены кирпичом.

После Отечественной войны дом еще раз отремонтировали, а деревянный фасад был оштукатурен.

Решением советского правительства в Астрахани был установлен памятник-бюст отцу В. И. Ленина — Илье Николаевичу Ульянову, а также был реставрирован дом семьи Ульяновых.

Я часто наблюдал за реставрационными работами и видел, как дом принимает первоначальный вид. Низ каменный, чтоб не проникали вешние воды. Прежде не раз Коса в половодье затоплялась. За десятки лет дом осел в землю более чем на полметра. Теперь его приподня-

¹ ГААО, ф. 480, оп. 1, д. 621, л. 29.

² Архив Астраханского обкома КПСС.

**В доме-музее Ульяновых. Интерьер зала в доме астраханской ме-
щанской семьи**

ли. Верхний этаж был собран из деревянных плах, которые поступали в продажу при разборке белян. Плахи были облицованы досками. У дома были нарядные наличники, набранная из теса четырехскатная крыша. Вдоль южного и восточного фасада шла галерея...

16 апреля 1970 года в погожий весенний день была разрезана красная ленточка у входа в дом-музей Ульяновых. С тех пор здесь не прекращается поток посетителей. Многолюдной стала неприметная городская улочка. Большие чувства вызывает этот небольшой дом. В нем нет высоких залов, дорогой мебели, сверкающего паркета. Всего две комнаты вверху и две внизу. Внизу была портняжная мастерская, а вверху жила семья Ульяновых из семи человек.

И убранство в доме было самое простое, незатейливое. Так жили тысячи астраханских тружеников. Но вся эта будничная обстановка теперь приобрела удивительное звучание. Посетив домик-музей, вьетнамские студен-

ты написали в книге отзывов: «Мы рады, что учимся в городе, где жил отец В. И. Ленина».

Экспозиция музея открывается родословной дедушки Владимира Ильича. Она начиналась в глухих урема Нижегородского края и продолжалась в Астрахани, на Косе, у волжских пристаней. На стене висят копии прошений и указов, по которым Николай Васильевич окончательно порвал с ненавистной вотчиной помещика Брехова.

В специальной витрине предметы, найденные при реставрации дома: «старинные кованые гвозди, подкова, курительная глиняная трубка, медный оклад иконы. У окна стоит широкий закройный стол. Он сделан точно таким, каким изображен на знамени портняжного цеха. На столе тяжелый уют, найденный при реставрационных работах. К его изогнутой литой ручке не раз прикасалась рука Николая Ульянова...

В нижнем этаже имеется интерьер зала астраханской мещанской семьи, где экспонируются и вещи, принадлежавшие семье Ульяновых.

Во втором этаже есть комната гимназиста. Обращает внимание небольшой столик бюро. На нем чернильница, ручка, подаренная Горшковыми. На столе расписание уроков в Астраханской гимназии на 1849 год, страницы из классных гимназических журналов, карта Европейской России. Здесь же открытый том сочинений Ломоносова, изданный в Петербурге в 1846 году. Над столом на стене барометр и портрет И. И. Лажечникова. Рядом этажерка с книгами, которые читал гимназист Ульянов — сочинения Державина, Фонвизина, Гоголя, Ивана Козлова, «Илиада» Гомера в переводе Гнедича... Здесь же в специальной витрине гимназический мундир середины XIX века.

Дверь справа ведет в другой зал. Его экспозиция посвящена торжеству гениальных ленинских идей, великим победам советского народа.

Здесь собраны Постановления, Декреты и телеграммы, подписанные В. И. Лениным (Ульяновым). Мы видим портреты ленинских соратников, которые, находясь в Астрахани в ссылке, продолжали вести революционную борьбу.

Экспозиция рассказывает о Великой Октябрьской революции, о борьбе за упрочение народной власти.

Ленин... Нет ближе и дороже для советских людей его имени.

Есть в Астрахани завод, школы, колхозы, которые носят имя Ленина. Любимым местом отдыха астраханцев является площадь имени Ленина, расположенная у южной стены кремля. Создана она по проекту архитектора Б. И. Нестерова. В центре — памятник В. И. Ленину, автором которого является скульптор З. И. Азгур.

Преображенный трудом советских людей, город ничем не напоминает купеческую, грязную Астрахань, ту, в которой жили дед и отец Ленина. Новые школы, театры, Дворцы культуры, библиотеки открыты для народа. Навсегда ушли в прошлое времена, когда сословные ограничения дробили общество на замкнутые касты, где господствующей была каста дворян. Невероятными усилиями в том обществе удалось деду Владимиру Ильича сбросить с себя путы крепостничества, а отцу, Илье Николаевичу, вырваться из сословия мещан и стать ученым-просветителем. Это ли не свидетельство неисчерпаемости и могущества народного гения!

В домике-музее немало печатных работ Владимира Ильича. На одной из книг мы видим тиснение знакомого профиля и характерную подпись — В. И. Ульянов (Ленин). Ленин — мыслитель и пролетарский вождь, Ульянов — кровная связь с народом.

В формировании революционного мировоззрения юного Ленина огромную роль сыграла семья Ульяновых. В лице отца Володя Ульянов видел пример беззаветного служения народу. Анна Ильинична отмечала, что личный пример отца «было то самое большое неизмеримое по воспитательному значению, что получили от него дети»¹.

С детства Владимиру Ильичу было привито чувство горячей любви к природе Поволжья, к России, к ее замечательным труженикам. Из самых глубин народных, из могучих народных истоков берет начало родословная Ильича. Жизнь Ульяновых в Астрахани — яркое тому свидетельство.

¹ Ульянова-Елизарова А. И. Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 года. М., Госиздат, 1927, с. 33.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава первая</i>	Истоки родословной
<i>Глава вторая.</i>	Мастер портняжного цеха
<i>Глава третья.</i>	Дом на Косе
<i>Глава четвертая.</i>	На соляных озерах
<i>Глава пятая.</i>	В Астраханской гимназии
<i>Глава шестая.</i>	В университете
<i>Глава седьмая.</i>	Астраханские родственники и друзья
<i>Глава восьмая.</i>	Первый биограф семьи Ульяновых
<i>Глава девятая.</i>	Они знали семью Ульяновых
<i>Глава десятая.</i>	Близкое и дорогое

сл

Александр Сергеевич Марков

УЛЬЯНОВЫ В АСТРАХАНИ

Редактор *Л. М. Попова*
Художник *В. А. Гусев*
Худож. редактор *В. И. Волкин*
Техн. редактор *Т. В. Давыдова*
Корректор *Л. А. Лукина*

ИБ №

Сдано в набор 24.05.82. Подписано к печати 15.11.82. НМ 00
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 3. Гарнитура литераная. Печать высокая. Печ. физ. л. 3,50. Печ. усл. л. 5,88. Усл. кр. 6,30. Уч.-изд. л. 5,21. Тираж 10 000. Заказ № 175. Цена 20 коп.

Нижне-Волжское книжное издательство
400004, Волгоград, Советская, 4
Типография издательства «Волгоградская правда»
400066, Волгоград, Привокзальная площадь.